

ПРИЗРАЧНОЕ ПЛАМЯ

КНИГА СЕДЬМАЯ

ЗЕРКАЛО ПОБЕДИТЕЛЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Автор

КУВАБАРА МИЗУНА

Художник

ТОДЗЁ КАЗУМИ

Перевод с японского

КАТИНКА

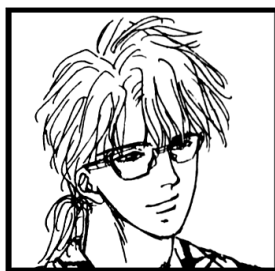
Редакция

BLANCHE

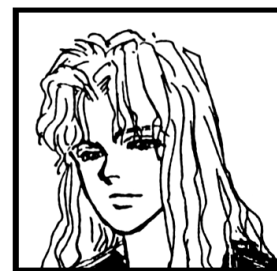
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

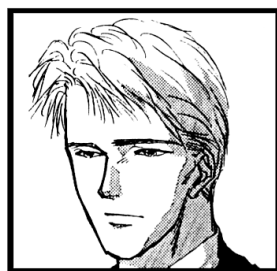
ОГИ ТАКАЯ

ЧИАКИ СЮХЭЙ

КАДОВАКИ АЯКО

НАОТ НОБУЧИНА

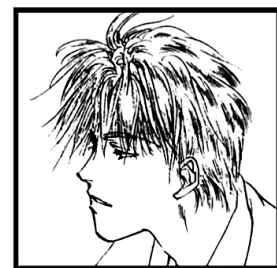
НАРИТА ЮЗУРУ

КОСАКА ДАНДЗЁ

ХОДЗЁ УДЗИТАРУ

МОРИ РАНМАРУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 10	Картина конца	3
Глава 11	Умереть на озере Асиноко	9
Глава 12	Смеющийся победитель	18
Глава 13	Расплата за предательство	26
Глава 14	Казнящий мученик	33
Глава 15	Повторяющийся грех	41
Глава 16	Пробуждение зла	47
Глава 17	Дверь в волшебную страну	55
Глава 18	Рай на дне озера	62

ГЛАВА 10. КАРТИНА КОНЦА

Звёзды на тёмном небе начали гаснуть.

Когда горизонт на востоке окрасился синим и вершины гор Хаконэ стали отчётливо видны, машина наконец миновала железнодорожную станцию Хаконэ Юмото¹. Мало кто находился в пути в такой час — государственное шоссе номер один было приятно пустынным.

«Виндом» мчался вперёд по направлению к Мото-Хаконэ², и даже затрудняющий видимость лёгкий предрассветный туман не мог его задержать.

Наоэ бездумно жал на газ, не отрывая глаз от дороги. Дымчато-серый пейзаж за окном, хоть и казался смутно знакомым, совершенно его не интересовал; только на повороте возле парка Ковакиэн Наоэ понял, что следует маршрутом новогоднего марафона, который каждый год показывают по телевизору.

«Я знаю, ты здесь».

Ошибки быть не могло, ведь Кагэтора сам показал ему место.

Образ в зеркале привиделся Наоэ вчера вечером; он даже не сразу смог заставить себя действовать, настолько ему не хотелось верить в то, что это означает. Но рассказы Маико, Катакуры и других наводили на совершенно определённые мысли.

«Нападение цуцуги?..»

А вдруг Такаю уже заключили в дерево, как Синью?..

По словам Аяко, в последний раз его видели два дня назад после полудня, на станции Тосима Юэн. Поздний вечерний звонок к нему домой лишь подтвердил — Такаю не возвращался. Значит, оставалось полагаться только на его собственное послание.

«Одавара...»

Послание Такаю состояло из картин местности. Сначала был замок, который Наоэ узнал, — замок Одавара. А потом было озеро.

Тёмное озеро причудливой формы — наверное, вулканическое — лежало в кольце гор. Вдалеке поднимались из воды ворота-тории, ярко-красные на фоне лесистого склона.

Кагэтора, скорее всего, находился там. Нет, он не обязательно передавал то, что видел своими глазами, — картинки могли быть чужими, подсмотренными с помощью ментальной настройки.

«Уж ему-то это под силу».

По крайней мере должно быть под силу Кагэторе, полностью восстановившему свои способности.

«Одавара...»

Одно это слово значило так много. Его худшие опасения грозили оправдаться. Как только Наоэ узнал, что в деле с цуцугой замешаны Ходзэ, над ним чёрной тучей нависло предчувствие беды. Увидев Кагэтору в зеркале, он покрылся холодным потом, потому что всё сбывалось.

Клан Фума, Зеркало Цуцуги, Синья, запертый в дереве, Одавара... Пропавший без вести Кагэтора и его таинственное отражение. Всё это, сложенное вместе, красноречиво объясняло, что именно с ним произошло.

«Ходзэ...» — сквозь зубы пробормотал Наоэ, уставившись на дорогу, которая круто изгибалась впереди. Поворот — и горы расступились. Внизу, за несколькими петлями серпантина, показалось сверкающее в рассветных лучах прекрасное озеро Асиноко³.

Въезд на храмовую стоянку был перекрыт цепью, и ему ничего не оставалось, кроме как припарковаться на обочине. Он вышел из машины, чувствуя тяжесть во всём теле: вождение не

¹ Хаконэ Юмото — железнодорожная станция в городке Хаконэ-мати, одна из отправных точек для путешествия к озеру Асиноко. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Мото-Хаконэ — посёлок на юго-западной оконечности озера Асиноко.

³ Асиноко — вулканическое озеро в префектуре Канагава, недалеко от горы Фудзи. Основная достопримечательность региона Хаконэ.

пошло ему на пользу, чего, конечно же, стоило ожидать. Врач строго-настрого запретил ему двигать рукой, но тут обычная рассудительность изменила Наоэ. Он вытребовал себе укол обезболивающего и, не обращая внимания на протесты Маико и Кодзюро, выехал из Никко в ночь. На то были веские причины.

Но хоть он и добрался до Хаконэ на чистом адреналине, усталость от почти безостановочной езды наконец дала о себе знать. Стоило ему ступить на землю, как тело словно налилось свинцом, а в плече закололо.

«Ну и чёрт с ним», — подумал Наоэ. Сейчас не время беспокоиться о собственных ранах.

Святынище Хаконэ, куда он приехал, стояло на берегу озера Асиноко. Этот древний храм, также известный как Хаконэ Гонгэн⁴, любили в старину Минамото-но Ёритомо, Ходзэ Соун и Токугава Иэясу — под их покровительством он стал охранительным святынищем всего Канто. Летом здесь проходили традиционные праздник Озера и большой фестиваль, популярные в народе, но в столь ранний час святынище было пустым и тихим, только птицы чирикали в ветвях.

«Здесь».

Вот оно, то самое место, которое мысленно показал ему Кагэтора. Как Наоэ догадался, что красные тории в воде принадлежат святынищу Хаконэ? По ключевому слову «Одавара».

Он бывал здесь раньше несколько раз, а Одавара находилась близко. Область Хаконэ лежала в самом центре владений Ходзэ, более того — была территорией клана Фума. Если Кагэтору похитили именно Ходзэ, то они, вполне возможно, укрепились в этих суровых горах, где так удобно прятаться.

А ещё Наоэ вспомнил, что двоюродный дедушка Кагэторы, Ходзэ Гэнан⁵, имел когда-то в этом храме должность бэтто⁶. Гэнан был сыном Соуна, постригшимся в монахи, а потом вновь вернувшимся к мирской жизни в качестве старейшины семьи. Его называли самым просвещённым человеком в Канто. Одно время Кагэтора считался его преемником — до тех пор, пока его не решили отдать в Этиго, — после чего права наследования перешли к внуку Гэнана — Удзитаке.

Когда-то Кагэтора часто рассказывал Наоэ об этом периоде своей жизни, и по тому, как он говорил, было ясно — он любил и уважал Гэнана. Но последующих событий Кагэтора предпочитал не касаться. В самом деле, не будь этого обмена с Уэсуги, он наследовал бы Гэнану, получил бы в своё распоряжение замок Кодзукуэ⁷, стал бы одним из лидеров своего клана — его ждало вполне определённое будущее. Но Кагэтора прекрасно понимал: бесполезно оглядываться назад и вздыхать «ах, если бы». Сожаления опустошают. Однако благодаря ему Наоэ многое знал о Ходзэ и, если предположить, что их штаб-квартира именно здесь, находился сейчас в лагере врага.

Догадывался ли враг о том, что Кагэтора мысленно просил о помощи? Если догадывался, стал ли бы сидеть сложа руки? Возможно, сигнал бедствия пропустили специально, чтобы заманить Наоэ в ловушку.

«Ну и пусть. Какая теперь разница... — подумал он и вскинул взгляд к высоким верхушкам криптомерий. — Что дальше?»

Необходимо разыскать Кагэтору как можно скорее. Действительно ли на него напала цуцуга? Поместили ли его душу в дерево? Но все нити обрывались здесь; более того, если Кагэтора видел пейзаж своими глазами, в святынище Хаконэ его точно нет.

Тем не менее Наоэ приехал сюда, и не просто так. Его привёл чей-то зов.

Это было сродни мысленной волне, которую улавливаешь шестым чувством. «Иди сюда», — повторял кто-то в его голове, и Наоэ знал, что ему не мерещится. Зов преследовал его с тех пор, как он въехал в горы Хаконэ, но, стоило ему выйти у святынища, прекратился как по волшебству. Неизвестно, кто посылал волну, но точно не Кагэтора.

⁴ Гонгэн — обозначение ками (синтоистского божества), который считается аватарой буддистского божества. Эта концепция является отражением синто-буддийского синкретизма. После разделения религий во времена Мэйдзи термин вышел из официального употребления, но всё ещё используется в народе.

⁵ Ходзэ Гэнан, также известен как Ходзэ Нагацуна (1493–1589) — полководец эпохи Усобиц, третий сын основателя клана — Ходзэ Соуна.

⁶ Бэтто — должность, занимаемая буддистским монахом при синтоистском святынище во времена повсеместного слияния храмов и святынищ (можно сказать, второй настоятель).

⁷ Кодзукуэ — замок в феодальной провинции Мусаси (сейчас — часть города Иокогама).

«Всё-таки ловушка?»

Он затаил дыхание, пытаясь вычислить невидимого врага.

«Но чья?..»

Вокруг всё было неподвижно. В надежде выманить противника из засады Наоэ зашагал к озеру.

Пройдя по каменным ступеням через рощу, он сошёл к берегу, где поднимались из воды большие ворота-тории, и остановился на крошечном каменном причале. Лодка священника отчаливала отсюда во время храмовых церемоний. Поверхность озера была гладкой, без волн, — Наоэ видел своё лицо, отражающееся в воде. Через некоторое время отражение словно подёрнулось дымкой, и сверху проступила фигура Кагэторы.

«Если бы я был рядом... этого бы не произошло», — корил себя Наоэ, пока гнал машину по шоссе. О чём он только думал? Чем занимался вместо того, чтобы его защищать? Какой промах... Не просто промах, а безответственность, вопиющая незрелость. Он бросил Кагэтору на произвол судьбы, и ради чего! Чтобы побыть героем трагедии, поиграть в жертву — неужели он ждал, что его кто-то пожалеет? *Боль... Страдания...* Кто давал ему право подвергать опасности жизнь своего господина? Он оставил его без защиты. Без присмотра. Оставил его одного — да как он мог!

«Кагэтора-сама!..»

Бездействие выводило Наоэ из себя. Если послать мысленную волну на тот берег озера, услышит ли Кагэтора? Ответит ли?

«Где же вы?!»

Но озеро оставалось безмолвным. Тревога камнем давила на сердце, Наоэ не знал, куда себя девать. Понять бы хотя бы, где его держат!..

Вдруг он почувствовал чьё-то присутствие и резко обернулся. Со стороны святилища спускался по каменной лестнице среднего роста мужчина. Наоэ моментально подобрался, готовясь ударить в любой момент. Мужчина с невозмутимым видом разглядывал его, остановившись на ступенях; похоже было, что он его ждал.

— Действительно пришёл...

— Ты кто?

Незнакомец выглядел молодо, но взгляд был не по годам зрелым.

«Это он меня звал?»

Его энергия и энергия той волны были похожи.

«Кто он такой?»

Мужчина не отвечал, и непонятно было, что у него на уме. Молчание затянулось, но за всё это время Наоэ не расслабился ни на секунду, и под конец незнакомцу как будто стало его жаль.

— Мне сложно было удержаться от встречи: хотелось посмотреть, что ты за человек...

— Что?..

— Я всё никак не мог решить, убивать тебя или нет.

Наоэ вскинул брови.

— Возможно, Сабуро будет лучше, если тебя не станет.

«Сабуро? — Наоэ вздрогнул. — Неужели это!..»

— Ты приехал за Кагэторой? — спросил мужчина низким голосом. — Тогда следуй за мной. Сабуро Кагэтора находится у нас. Приглашаю тебя в наш дом — там и поговорим.

— Я вижу, ты из Ходзё.

— Но знай, что горы Хаконэ накрыты барьером и тягаться с нами здесь бесполезно.

— Ходзё Удзиясу?

— Удзиясу — мой отец, — отрезал мужчина, глядя Наоэ прямо в глаза. — А ты, значит, опекун Сабуро. И я скажу тебе вот что: я беру тебя с собой не потому, что ты один из Уэсуги, не потому, что ты защитник Сабуро, а потому, что ты заставил моего брата страдать.

Наоэ дёрнулся, словно от удара ножом.

— Ступай за мной. — С этими словами Удзитэру зашагал вперёд. Наоэ, закусив губу, хмуро уставился ему в спину.

«Родной брат...»

И он собирается отвести его к Кагэторе. Но с какой целью? Наоэ не просто враг — в глазах мужчины он «преступник», которого вообще-то следовало бы убить на месте.

«Идти или нет?..»

Хочется. Так хочется увидеть его прямо сейчас, даже если это ловушка — ловушки Наоэ не боялся... Он боялся встречи. То, что он сделал в Тояме, было сродни насилию. Наоэ снова вспомнил взгляд Такаи после навязанного поцелуя — потрясённый, уязвлённый, молчаливо обвиняющий...

«Я ваш пёс».

Он выплюнул эти слова ему в лицо не из желания унизиться. Он всего лишь говорил правду — и именно потому, что сказанное было правдой, Такая, добрая душа, не признал этого, разозлился до дрожи.

«Ты чист и простодушен, наверняка ты испугался меня. Моё присутствие и прикосновения тебе противны. Ты брезглив и не хочешь видеть рядом грязное животное...»

И всё же нужно идти.

«Я хочу идти к тебе — знаю, что ты меня боишься, но ничего не могу с собой поделать. Можешь отвергать меня, презирать меня, прогонять меня... Я всё равно пойду к тебе. И даже если в ловушку меня загоняешь ты... Не важно. — Наоэ поджал губы и с вызовом посмотрел вперёд. — Я знаю, ты тоже этого хочешь».

Решительно вскинув голову, он начал взбираться по лестнице, ведущей к дороге.

* * *

У расположенного по соседству причала их поджидал белый прогулочный катер; рядом стояли группой несколько мужчин. Особняк Ходзё, куда лежал их путь, находился на противоположном берегу озера — вероятно, добраться до него можно было только по воде. Наоэ в окружении других мужчин взойшёл на корабль.

Десять минут спустя они высадились на маленьком пирсе. Ещё через некоторое время узкая дорожка привела их к дому.

Особняк стоял на склоне одной из гор, окружавших озеро, — большое здание в японском стиле, то ли дорогой отель, то ли чья-то загородная вилла. Судя по размерам территории и качеству постройки, владелец дома (если это действительно частный дом) был богатым человеком. Возможно, кто-то из Ходзё по примеру Могами Ёсиаки выбрал вместилищем влиятельного бизнесмена или политика.

Встретивший их у входа высокий молодой человек поклонился и сказал:

— Прошу сюда.

Наличие провожатого говорило о том, что Наоэ решили принимать как гостя. Но шагающий рядом Удзитэру напомнил:

— Чтобы без фокусов. Всё равно ничего не выйдет, особняк охраняют люди Фума.

Услышав имя, Наоэ встрепенулся, но виду не подал. Он, в общем, был к этому готов. Ходзё из Сагами, Фума из Хаконэ...

«Значит, так оно и есть».

Всё сходится — цуцуга, Фума, Ходзё... Отражение Кагэторы в зеркале...

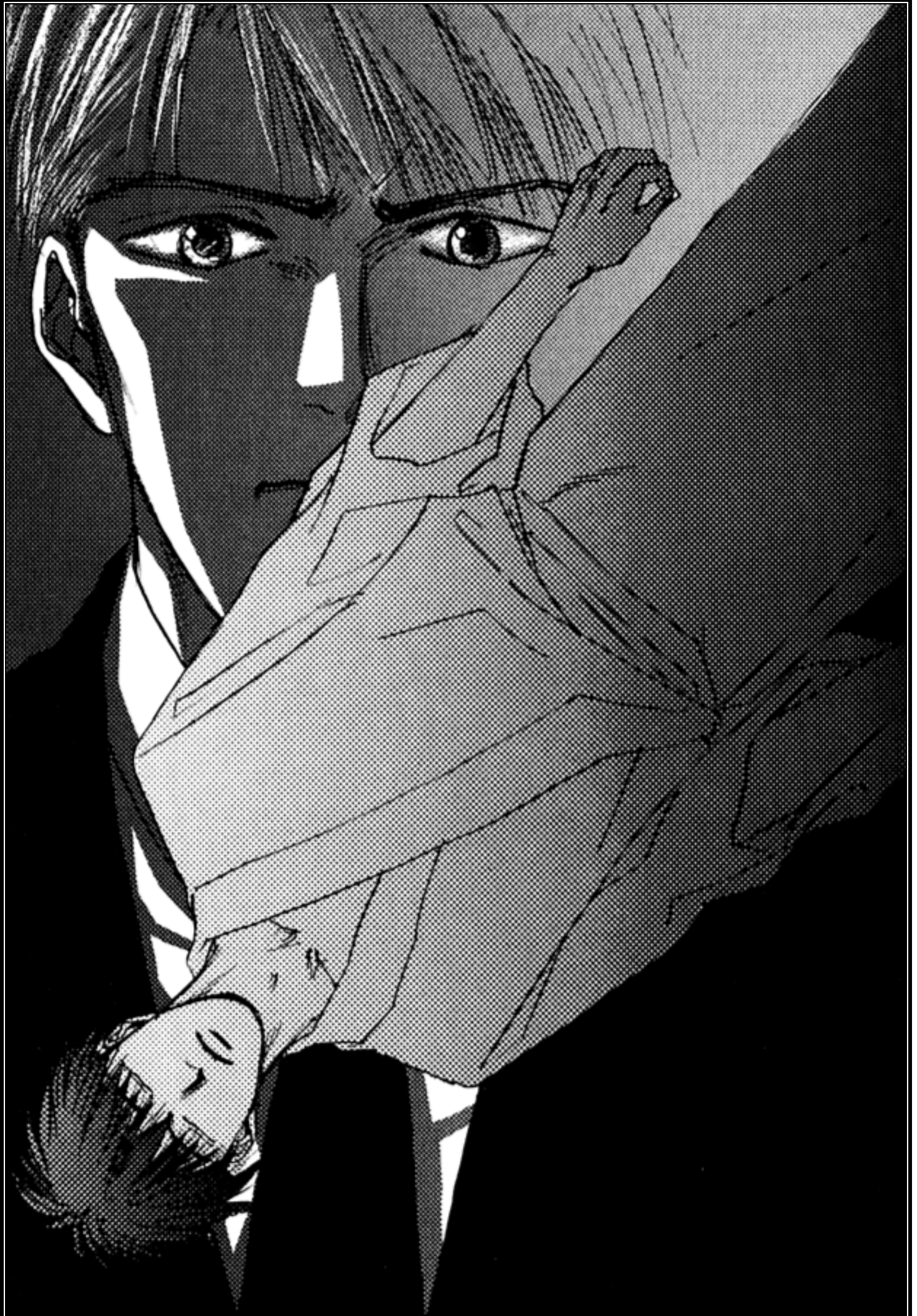
— Пожалуйста, проходите.

Комната располагалась в дальнем конце коридора, над дверью висела верёвка-симэнава⁸. Внутри было темно, но просторно — около ста татами. Прямо напротив входа стоял большой синтоистский алтарь из необработанного дерева, на котором, среди разнообразных подношений, покоился обёрнутый фиолетовым шёлком священный предмет, по виду — зеркало.

Посреди комнаты на белоснежной постели лежал юноша в белом шёлковом кимоно — уже не мальчик, но ещё недостаточно взрослый, чтобы назвать его молодым мужчиной. Его лицо было бескровным и безжизненным, как у куклы, — ни дыхания, ни движения... Лицо мертвеца.

«Такая-сан...»

⁸ Симэнава — жгут из перекрученной рисовой соломы, используется в синтоистских ритуалах очищения. Места или предметы, помеченные симэнава, считаются священными.

Наоэ застыл на пороге не в силах сделать шаг вперёд, позабыв выпустить воздух из лёгких. Все слова вылетели из головы. Труп, подумал он. Пустая оболочка, холодное тело, в котором кровь остановила свой ток, а органы перестали функционировать. Кимоно — белый саван. Бледные щёки лишились тепла, сомкнутые веки застыли намертво, навсегда.

«Навсегда?..»

— Он слишком ослаб, — сказал стоявший рядом Удзитэру, словно выражая свои соболезнования, и Наоэ машинально расправил плечи. — Он — ребёнок, потерявшийся в незнакомом месте. Дитя бродит в слезах по тёмным улицам, пока не попадает в лапы разбойников. Тогда дитя проклинает родителей, бросивших его, ведь бросить — значит предать.

Стиснув зубы и сжав кулаки, Наоэ тряхнул головой, отмахиваясь от безжалостных слов, а потом наконец шагнул в комнату. Нужно было убедиться в том, что видели его глаза. Подойдя к распростёртому телу, кожей ощутив исходящую от него прохладу, Наоэ опустил на колени, как будто ноги не держали его.

«Такая-сан...»

Бледность, свойственная только мертвецам... Неподвижные веки и волосы, неспособные уловить дуновение ветра... Шея и щёки, которые наверняка обожгут холодом, стоит притронуться к ним... Белая плоская грудь...

«Неужели ты действительно...»

Руки сами собой потянулись вперёд. Наоэ хотел, как тогда, взять его лицо в ладони, проверить на ощупь, не осталось ли тепла. Пальцы почти коснулись кожи, когда сзади раздался резкий окрик:

— Не трогай!

От неожиданности Наоэ замер.

— Над телом провели обряд очищения. Оно ещё живое — есть пульс, есть тепло. Божество Хаконэ держит его в сохранности, но, если к телу прикоснуться, оно запачкается и священная сила перестанет сквозь него проходить.

«Божество держит в сохранности?..»

Тело без души не может продержаться долго — максимум сутки, если не подключить аппараты, как в случае с Синьей. Здесь вместо госпиталя с аппаратами работало само святилище. Наверняка для этого понадобился какой-то специальный ритуал. Но тело было совершенно пусто.

«Где же душа?»

Наоэ поднял голову. Его взгляд упал на алтарь и священное зеркало под фиолетовым покровом.

«Неужели...»

— Вижу, ты догадался, — сказал Удзитэру. — Душа Сабуро Кагэторы заперта в Зеркале Цуцуги, это тело — пустая скорлупа... И даже богам не под силу вечно сохранять то, что умерло. Стоит им отвернуться — и счёт пойдёт на часы. Два-три дня в лучшем случае.

Наоэ вздрогнул.

— За большее не поручусь. Тело так или иначе умрёт.

Смерть тела... Иными словами — смерть Оги Такаи. Даже если память и сознание сохранит душа, для «Такаи» это будет конец. Наоэ обернулся, позволив закипающему гневу отразиться на лице.

— Верни его обратно, — процедил он, впившись в Удзитэру взглядом. — Если душа в Зеркале — верни её в тело. То, что вы натворили, непростительно, я не оставлю этого так!

— Не могу.

— Можешь и сделаешь это, сейчас же!

— Не могу, — отрезал Удзитэру ледяным тоном. — Чтобы достать душу, нужно Зеркало Самца, а его здесь нет. И другого способа тоже нет. Смирись.

— Смириться?! Уму непостижимо... Ты брат ему или кто?! Как у тебя вообще рука поднялась!

— Я брат Сабуро Кагэторы, а не этого тела, — спокойно возразил Удзитэру. — Всё, что меня волнует, — это сохранность его души.

— Тоже мне, оправдание! Речь не просто о теле, а о жизни, которая прожита в нём. За короткие семнадцать лет Оги Такай пережил не меньше, чем Уэсуги Кагэтора за предыдущие

четыреста. Какой из тебя брат, если ты даже этого не понимаешь?!

— Придержи язык, вассал. Разве так говорят со старшим родичем своего господина?

— Сейчас ты топчешь его чувства, а значит — не имеешь права называться его родичем!

— Сказал так сказал, — усмехнулся Удзитэру, прислоняясь к столбу. — Впрочем, ладно.

Все твои усилия напрасны. Зеркала Самца, я повторяю, здесь нет. Ты останешься в этом доме вместе с этим телом. Выход наружу для тебя закрыт: особняк защищён барьером, который отсекает в том числе и мысленные волны. Пользоваться силой ты тоже не сможешь. — Удзитэру сделал паузу, а потом продолжил: — Я позвал тебя только потому, что Сабуро хотел тебя видеть. Сиди теперь здесь, глядя, как умирает его тело, и рви на себе волосы, зная, что виноват в этом ты.

Наоэ содрогнулся от ярости, какой не испытывал никогда в жизни. На кого он злился? На этого мужчину или на себя самого?

— Убью, — прошептал он, как в горячке, — прикончу голыми руками...

— Пожалуйста, но в таком случае ты никогда не узнаешь, где искать Зеркало Самца. — Удзитэру бросил на Наоэ косой взгляд и усмехнулся, видя его замешательство. — Признай своё поражение. Можешь тявкать сколько угодно, но, пока ты в клетке, твои клыки нам не страшны.

— Убью...

— Когда Сабуро вернётся к Ходзё, мы дадим ему новое тело — сильное и прекрасное, под стать его душе.

— Убью всех до единого!

Но Удзитэру уже вышел из комнаты, безучастный к этой яростной угрозе. Дрожа от гнева, Наоэ снова повернулся к Такае, протянул руку, но вспомнил, что трогать нельзя. Зависшие в воздухе пальцы сами сложились в кулак, и он впечатал его в пол. «Почему всё так получилось? — Наоэ сжал зубы и впился ногтями в ладонь. — Кагэтора-сама!..»

За дверями Удзитэру поджидал Фума-но Котаро.

— Удзитэру-сама, к вам посланец от господина Удзимасы из Никко.

— От брата? Зачем он отправляет посланцев, можно же позвонить... Упрямый человек.

— Похоже, речь идёт о деле чрезвычайной важности. Посланец ждёт в домике для гостей.

Вам сюда.

— Ладно. Следи за Зеркалом Цуцуги хорошенько, чтобы этот, который в комнате, ничего не учудил. — И Удзитэру со сквозящим в каждом шаге раздражением двинулся прочь по крытому коридору. Котаро поспешно спросил, глядя ему вслед:

— Почему вы злитесь, Удзитэру-доно?

— Я не злюсь.

— Ваши последние слова... Я в недоумении. Если вы собираетесь дать Сабуро-доно новое тело, зачем было сохранять старое? Специально проводить поддерживающий жизнь ритуал?

— Тебе не понять! — огрызнулся Удзитэру.

Котаро застыл. Остановившись в нескольких шагах, Удзитэру повернулся к нему и сказал:

— До тех пор, пока Сабуро сам не решит вернуться к Ходзё, я его из Зеркала не выпущу.

Но не внять желаниям брата тоже не могу. Я хотел привести к нему этого Наоэ, пока он ещё дышит, — по-твоему, это бессмысленно? Может быть. Впрочем, было бы странно требовать от синоби, который не знает жалости, понимания братских чувств.

Котаро выслушал его с ровным лицом. Удзитэру развернулся и быстро зашагал в сторону домика для гостей, где ждал посланец.

ГЛАВА 11. УМЕРЕТЬ НА ОЗЕРЕ АСИНОКО

— Что ты сказал? — переспросил Удзитэру гонца.

Посланец его старшего брата только что приехал из Никко, и теперь они сидели друг напротив друга в домике для гостей. Собеседника Удзитэру, щуплого невысокого мужчину с маленькими глазами и тонкими губами, звали Тояма Ясухидэ. Когда-то он был вассалом Ходзё в

должности бугё⁹, выполняя вместе со своим отцом Ясумицу дипломатические миссии к правителям соседних земель, а теперь приблизился к Удзимасе.

— Удзитэру-сама, это приказ моего господина...

— Я сказал, повтори!

От резкого окрика Тояма вздрогнул и выпрямился.

— Он велит принести господина Сабуро в жертву Дереву Стрелы.

— О чём он только думает! — Удзитэру хлопнул себя по колену и подался вперёд. — Мы ищем подходящего человека не покладая рук. Почему вдруг Сабуро? Неужели брат не понимает, что это будет для него означать?!

— Но Удзитэру-сама... Кто ещё сможет принять и удержать колоссальную энергию Никко? Там избранный на роль жертвы обладает ужасной силой — равного ему так просто не сыскать. Мне думается, — с нажимом сказал невысокий человечек, — что Удзимаса-сама рассудил очень мудро. Как только жертву в Никко поместят в дерево, нужно будет проделать то же самое в Хаконэ, и без промедления. На сегодняшний день мы не знаем никого, кроме господина Сабуро, кто способен выдержать напор священной силы Дерева Стрелы и не сломаться.

— Но тогда он перестанет быть человеком! — закричал Удзитэру, побагровев от злости. — Стоит жертве принять на себя силу Дерева после обряда единения с огнём, она потеряет личность, станет сгустком энергии, одушевлённым орудием, навеки! И брат в трезвом уме и памяти требует сделать это с Сабуро?!

— Именно потому, что он ему брат, тоно и решил принести господина Сабуро в жертву. Всё ради завоевания Канто. Ода и Такэда — могущественные враги. В этом противостоянии малейший промах будет стоить нам жизни, а значит, ритуал должен пройти без сучка без задоринки и принести наибольшую пользу. Поэтому выбор и пал на господина Сабуро. Ради грядущей победы Ходзё в Усобице Духов.

— Победа, победа — как вы надоели мне со своей победой! Сколько раз, по-твоему, мы прикрывались этим словом, используя Сабуро четырёхста лет назад?

Тояма был вынужден промолчать.

— Двигали его, как пешку на шахматной доске, туда-сюда, туда-сюда. Ради победы, ради безопасности семьи... Свою родную кровь! Попользовались, а потом выбросили без зазрения совести. И теперь это всё должно повториться?!

— Ни в коем разе, Удзитэру-сама.

— Родичи сражаются бок о бок, а не используют друг друга в качестве оружия! — Удзитэру всё хлопал и хлопал себя рукой по колену. — Неужели Сабуро для брата — всего лишь инструмент? Нет, я знаю, он просто боится изгоняющей силы... Какая, к чёрту, безопасность семьи? Даже младшему брату своему не доверяет!

— Удзитэру-сама, мне кажется, вы говорите лишнее.

— Я говорю правду! Как бы то ни было, я против. Я отказываюсь учинять подобное над младшим братом, с которым меня вдруг свела судьба после долгой разлуки. Глава семьи распорядился? Подумаешь! Я не согласен, так и передай.

— Удзитэру-сама, это решение не подлежит обсуждению.

— Фу-ты ну-ты, какие мудрёные современные слова... Но меня этим не проймёшь.

— Удзитэру-сама! — Тояма резко сдвинул колени вместе. — Вы не можете не подчиниться!

— Это ещё почему?

— Тоно велел мне вскрыть себе живот, если не удастся вас уговорить.

— Сэппуку? Какой в нём смысл? Всегда же можно занять другое тело...

— Тогда послушайте, что я скажу, Удзитэру-сама. Этот приказ исходит не только от тоно...

— Что?

— ...но также от вашего отца, господина Удзиясу. Он лично распорядился сделать господина Сабуро жертвой Хаконэ.

— Отец?! — Удзитэру вытаращил глаза. — Не может быть! Брат Удзимаса наконец-то нашёл его? Где он?

⁹ Бугё — одна из должностей военного сословия Японии в VIII–XIX веках.

Возбуждение Удзитэру было объяснимо, ведь до нынешнего дня никто из братьев Ходзё на самом деле не знал, где находится отец. В том, что он остался в этом мире, они не сомневались. Четыреста лет назад, когда Удзитэру с Удзимасой совершили сэппуку по приказу Хидэёси и, сделавшись неуспокоенными, попытались расквитаться с ним, именно Удзиясу помешал своим сыновьям и усыпил их души.

Они искали его с тех пор, как возродились, — безо всяких результатов. Но каждый раз в тяжёлом бою невидимая сила выручала их, они чувствовали присутствие отца и верили, что он им помогает. Тем не менее он ни разу не показался им на глаза, а ведь его участие в Усобице Духов упрочило бы их позиции.

И хотя Удзитэру солгал Кагэторе, сказав, что отец тоже ждёт...

«Неужели брат всё-таки отыскал его?»

Если приказ принести Сабуро в жертву исходит от отца, Удзитэру не смеет противиться. Наоборот — он должен быть счастлив, что Удзиясу наконец-то вышел из тени.

— Ответь мне, Тояма: брат действительно встречался с отцом? Встречался и говорил?

— Это тайна, в которую никто, кроме моего господина, не посвящён.

Удзитэру задумался и долго молчал, а потом тяжело вздохнул:

— Скажи брату, пусть даст мне немного времени.

— Но времени почти совсем...

— ...не осталось? Я знаю. Но мне нужно привыкнуть с мыслью.

— Следует ли это понимать как ваше согласие? — В голосе Тоямы послышались радостные нотки, и Удзитэру злобно вскинул глаза.

— Тебе тоже не терпится засадить Сабуро в древесный ствол?

— Нет, как вы могли подумать...

— Да вот почудилось. Значит, вы с братом одного поля ягоды... Кстати, твоим отцом ведь был Тояма Ясумицу?

Тояма слегка напрягся.

— Ясумицу отправился с Сабуро в Этиго — и ты тоже...

— Верно... — мужчина слегка отвёл взгляд, — мы поехали в Этиго вместе с господином

Сабуро.

Удзитэру покивал головой.

— Ясумицу, я слышал, погиб при Отатэ, и ты тоже.

— Д-да, я тоже.

— В таком случае у тебя появился шанс встретиться с бывшим господином, впервые за четыреста лет. Редкая удача, верно? Должно быть, тебя переполняют чувства.

— Да...

— Я думаю, Сабуро тоже хотел бы видеть тебя. Загляни к нему перед отъездом — говорить он не может, но наверняка обрадуется.

— Нет! — воскликнул Тояма, переменявшись в лице. Удзитэру недоуменно нахмурился. — То есть... меня до сих пор мучает совесть: я не смог его защитить и теперь не смею показаться ему на глаза.

— Ну что ты. Ведь ты сражался ради него не жалея живота своего. Я уверен, Сабуро на тебя не в обиде. А если ты считаешь, что в чём-то виноват, так пойди и извинись — это хорошая возможность.

— Нет, только не это. Прошу, не заставляйте меня...

Упорство, с которым Тояма отказывался, Удзитэру воспринял, судя по всему, как стыд перед господином. «Ладно», — сказал он и больше не настаивал. Наверное, он Тояму пожалел.

— Я скажу Сабуро, что ты приезжал. Возвращайся в Никко. Брату и отцу — низкий поклон.

На улице шёл дождь. Проводив глазами машину Тоямы, отъехавшую от парадного входа, Удзитэру повернулся к Котаро:

— Ну, и что ты думаешь насчёт отца?

— В каком смысле?

— Действительно ли брат встречался с ним? — Удзитэру не спешил расставаться с сомнениями. — Почему брат, находясь в Никко, сумел его разыскать, а мы здесь, в Хаконэ, — нет? Мы прилагали не меньше усилий. Или же отец сам явился к нему?

— Вы ставите под сомнение приказ родителя?

— Нет... Нет, но...

— В самом деле, нет никаких доказательств того, что распоряжение господина Удзимасы исходит от вашего отца. Он мог придумать это, чтобы вас уговорить.

— Выходит, брат солгал?

— Кто знает. Но лично я считаю, что господина Сабуро следует принести в жертву Дереву. Он один может сравниться по силе с тем человеком...

— И ты туда же?

— Если вы радеете о деле, то именно так и следует поступить. Я согласен с господином Удзимасой.

— Вот как... — Удзитэру перевёл взгляд на озеро за туманной пеленой дождя. — Что ж, возможно, вы все и правы.

— Удзитэру-доно...

— Я хочу побыть один, мне надо подумать, — сказал он и вернулся в дом. Оставшись в одиночестве, Котаро бросил потяжелевший взгляд на поворот дороги, за которым скрылась машина Тоямы.

* * *

Сколько часов он просидел так у изголовья постели?

Настал полдень, но за окном ничуть не посветлело. Наверное, надвигалась гроза: небо затянуло плотными тучами, над водой за клубился туман, и в сгустившейся посреди дня темноте машины на прибрежной дороге повключали фары.

Окна комнаты выходили на озеро. Особняк стоял на возвышенности, ровно напротив святилища Хаконэ — в ясные дни отсюда действительно был виден противоположный берег.

Наоэ сидел в позе сэйдза, сложив на коленях руки, сжатые в кулаки, и вроде как смотрел на Такаю, но его распахнутые глаза уже давно не замечали ничего вокруг.

«Он умрёт...»

«За короткие семнадцать лет он пережил не меньше!..»

«Какой же я лицемер...»

Собственное двуличие приводило Наоэ в ужас. Он мог иногда безо всякого смущения говорить правильные слова, достойные порядочных людей, но всё это было так фальшиво... Отвратительно.

Он, он сам — осознавал ли в действительности, что значили для Кагэторы эти семнадцать лет, признавал ли их ценность? Если да, то почему всё-таки относился к Такае немного по-другому? Умом он понимал, что Такаю и Кагэтора — это одна сущность, одна жизнь, но в сердце... Были ли они для него абсолютно равнозначны? «В крайнем случае можно и поменять тело...» — раз эта мысль посещала его хоть изредка, значит, не были.

«Нет, — одёргивал Наоэ сам себя, — он всегда один, всегда единственный...»

По крайней мере для него это было так.

«А может, это испытание?» — пронеслось в его усталой, измученной раздумьями и переживаниями голове. Сейчас ему как никогда верилось, что его жизнью управляет чья-то сильная воля.

Боги ли испытывают его, и если да, то что они хотят проверить? Его отношение к Такае?

«Кто он был, кто он есть... Какая разница?! — захотелось ему крикнуть невидимым судьям. — Он и так мне дороже всего на свете!»

Или же боги проверяют его решимость? Он поклялся своей душой положить конец этим чувствам, и небо желает знать... Небо ли?..

«Нет... Это ты испытываешь меня...»

Предположения выстраивались сами собой. Кагэтора наверняка всё предусмотрел: и то,

что его похитят Ходзё... а может, даже и то, что его запрут в Зеркале. Кагэтора — или Такаяя — всё просчитал и всё спланировал, пусть и не отдавая себе в этом отчёт. Он создал ситуацию сам, чтобы проверить, сможет ли Наоэ от него отказаться.

«Думаешь, тебе это под силу?»

В сознании зазвучали слышанные когда-то слова, заставляя сердце испуганно сжаться.

«Отказаться от своих чувств ко мне?..»

Снова вспомнилась высокомерная улыбка и глаза снежной королевы, глядящие на него из зеркала.

«Ты никогда не сможешь перестать меня любить».

Должно быть, правду говорят, что зеркала отражают людей такими, какие они есть на самом деле. Тогда, на лестнице, Наоэ видел Кагэтору без прикрас. Возможно, это его больше всего и напугало, ведь он очень хорошо знал, что это лицо, — жестокое, сбросившее лживую маску разума, — и есть истинное лицо Кагэторы, которое тот временами показывал только ему одному.

«Тебе никогда от меня не избавиться».

Холодный смех и безмолвный вызов.

«Что, скажешь, я не прав?»

Он мог бы поспорить, если бы всё это было плодом его воображения, но образ в зеркале до такой степени совпадал с образом «жестокое Кагэторы», как Наоэ его ощущал, что он действительно чувствовал себя связанным, неспособным освободиться. Представшая его глазам истина была настолько реальной и настолько прекрасной, что Наоэ стало страшно.

«Такая-сан...»

Наоэ стосковался по его беспомощному, доброму и печальному взгляду. «Это тебя, тебя я пришёл спасти», — твердил себе он. Если он перестанет в это верить, тот угнетающий лишь его тиран, который поселился в зеркале, одержит верх.

«Открой глаза, — взывал он к неподвижному Такае, — улыбнись мне ещё раз своей несмелой улыбкой. Скрывая одиночество и душевные раны, — очень неуклюже, — скажи, как ты обычно говоришь: „Всё окей... Да ладно, не волнуйся“». Грубая речь, но мягкий голос — я хочу услышать его снова. Хочу снова увидеть, как в твоём враждебном, настороженном взгляде появляется грусть, — и чтоб ты показывал её только мне, как и эту улыбку...»

Даже дотронуться нельзя — а ведь тепло, возможно, растопило бы лёд, сковавший его, и он поднял бы веки...

В своей мягкости и слабости Такаяя был очень похож на Кагэтору. Да что там, один в один. Его новое «я» было ещё юным, незрелым, и потому чистым, но это было *его* «я». Его голос, его прямой и искренний взгляд, его губы, с которых слетали его слова, его гибкая спина, его грудь — всё, что составляло его форму... Всё это принадлежало ему и каждое в отдельности было бесценным, ни с чем не сравнимым, ни на что не заменимым. Разве можно позволить кому-то это отнять?

Люди назвали бы это жадностью. Ну и пусть, подумал Наоэ, почему он должен отказываться от того, что так дорого ему?

«Ты не сможешь...»

Ему снова послышался голос. Наоэ поднял голову и увидел своё отражение в тёмном окне.

«Я тебя не отпущу».

Хитрый Кагэтора мирно спал внутри Такаи, до поры до времени не проявляя себя. Прятался. Но вот Такаяя встретился с Наоэ, и его безжалостное «я» втайне от него самого начало пробуждаться.

«Так же как и мой собственный зверь...»

В нём начали иногда проскальзывать величавость, спокойствие, холодность, грубый напор — качества прежнего гордеца.

«Не избавиться...»

В какой-то момент в оконном стекле рядом с отражением Наоэ возникло отражение Кагэторы. Он был в облике Такаи, но глазами смеялся холодно и говорил:

«Ни за что не отпущу. Желай меня и сходи с ума. Я не прощу тебя до скончания веков».

«Я желаю...»

Тигр устроил засаду, и неразумная добыча покорно отправилась ему в пасть. Наоэ не знал, как бороться с поднявшейся волной страсти.

«Ну так дотронься».

...Соверши ещё одно преступление. Страдай, терзайся и с каждой новой виной режь себе вены — если украсишь свои пальцы собственной кровью, я разрешу тебе меня обнять. Можешь упиться радостью завоевания, ненадолго. Потом ты поймёшь, что всё ещё не в силах убежать, и снова отчаешься. Не ты будешь смеяться последним...

«Тебе меня не одолеть».

«Теперь я вижу, как всё было тогда на самом деле. Ты обо всём знал: о моих чувствах, о моей ненависти к Минако — не просто знал, но подвёл всё к этому. Как никто другой, ты должен был понимать, на какие преступления может толкнуть меня любовь к тебе, но ты делал вид, что ничего не замечаешь, шаг за шагом, последовательно загонял меня в угол, следил, как я теряю рассудок в соответствии с твоим замыслом, и победно смеялся».

«Тебя из всех людей я не прощу до скончания веков!»

А может, он имел в виду, что не простит и не позволит ему свободы?

«Какой же ты эгоист...»

Но Кагэтора, безучастный к упрёкам, лишь улыбался, слегка опустив глаза. Его печаль, его страдание, его слабость, одиночество в его взгляде — всё это ловушки хитреца, и глуп тот зверь, который попадает в них.

«Пожалуйста, отпусти меня...»

Голова раскалывалась на части, и сердце готово было выпрыгнуть из груди. Почему любовь причиняет столько боли? Так больно, что хочется убежать... Но хочется и обнять... Никому не отдавать... Получить прощение... Освободиться...

«Убей меня!» — взмолился Наоэ, обращаясь к Кагэторе, отбросившему притворство. Иначе всё на самом деле повторится и они до скончания веков не смогут разорвать этот порочный круг. Не потому, что он слаб духом... а потому, что Кагэтора так задумал.

Наоэ не хотел терять его, поэтому не мог перестать перерождаться. Он не хотел забывать его, поэтому не мог уйти в новую жизнь — ну в самом деле, какой дурак поверит, что двое отыщут друг друга в следующем воплощении. И мысль о том, что Кагэтора будет принадлежать кому-то другому, а он, Наоэ, этого даже не узнает, была невыносима для него.

Всё, это предел. Цепи нужно сбросить. Но как не хочется терять, выпускать из своих рук...

Вот бы его не стало, вообще не стало, нигде на этом свете... Наоэ не сможет без него жить — ну и хорошо.

«Исчезнуть бы вместе с тобой...»

Он поднял усталые глаза, и его взгляд упал на алтарь с Зеркалом, хранившим в себе душу Кагэторы. Ах да...

«Зеркало...»

Внезапная мысль заставила Наоэ похолодеть. Испугавшись, он попытался отбросить её, но чем больше он усердствовал, тем больше крепла уверенность в том, что лучшего выхода не найти.

Ведь что получается: не обязательно реинкарнировать — можно просто уйти из мира вместе с ним, навечно...

Дьявол прокрался в сердце Наоэ. Есть способ присвоить себе Кагэтору навсегда — один-единственный способ.

— Командир.

Котаро обернулся на голос подчинённого.

— Люди, которых вы посылали в святилище Хаконэ, вернулись с докладом. Цуцуга в Хаконэ охотится превосходно, душ набралось уже на восемь десятых от требуемого числа, теперь осталось только посадить их в деревья, как было сделано в Никко. Кое-какие подробности бывшие хотят рассказать вам сами.

— Сейчас приду. Пусть подождут.

Отдав распоряжение, Котаро бросил взгляд в глубину тёмной комнаты, где сидел Наоэ.

— Вас что-то беспокоит? — спросил подчинённый.

— Нет, — ответил Котаро и велел молодому человеку пойти составить компанию прибывшим из Хаконэ разведчикам.

«Мне не стоило бы выпускать его из вида», — подумал он, снова оставшись один.

Хотя Удзитэру и приказал ему присматривать за Наоэ и Зеркалом Цуцуги, люди, которых он имел в своём распоряжении здесь, были отборными воинами Фума, вполне способными проследить за пленником. Необязательно было заниматься этим лично.

И всё же что-то не давало ему покоя — он сам не мог бы толком объяснить, что именно. Просто фигура Наоэ, сидящего без движения рядом со своим господином вот уже который час, производила на него удивительное впечатление.

«Убью всех до единого!»

«Станный человек», — изумлялся про себя Котаро, наблюдая за ним. Он не понимал ни его горячности, ни его переживаний. Впрочем, Удзитэру он тоже не понимал. Как они могут злиться, ненавидеть, мучиться тяжкими раздумьями ради кого-то другого? Зачем совершают ненужные действия, только оттягивающие неизбежное? Для Котаро это была головоломка, ключ к которой он никак не мог подобрать.

Когда-то давным-давно ему случилось сжечь деревню и убить всех её жителей, включая женщин и детей, по долгу воина. Один ребёнок, чью мать он только что убил, кинулся на него с ножом, крича и обливаясь горячими слезами. Тогда его сердце на мгновение замерло, словно скованное внезапным холодом, и Котаро до сих пор иногда спрашивал себя, что же это было.

Не понимал он и того, как люди могут плакать от сердечной боли. Ведь слёзы — это всё равно что вода в кране, их пускаешь и останавливаешь по желанию. При чём здесь эмоции?

«Тебе не понять».

Котаро поднял голову. Действительно, не понять — да не очень-то и хотелось. Поведение этих двоих не поддавалось его логике; с другой стороны, синоби и не нужны были чувства. Чтобы успешно выполнять приказы, ему требовались только ум и механическая способность к точному анализу. Эмоции вредили и тому и другому — сколько он видел глупцов, которые вот так проваливали задания... Скольких из них он сам отправил на тот свет...

«Да, эти люди глупы».

Всё, что ему было нужно, — это уметь просчитывать, как элемент чувств может влиять на ход военной кампании. Он собирал данные с позиции наблюдателя.

«А понимать тут нечего».

Закончив таким образом свои рассуждения, Котаро оставил коридор позади. Изучать логику противника — ещё куда ни шло, но интересоваться чувствами самими по себе никакой нужды нет, и точка. Когда он добрался до лестницы, его лицо было бесстрастным, как всегда.

* * *

В эти дни в Хаконэ наблюдались те же странные феномены, что и в Никко. Хотя здесь, в Сагами, это не приняло такого масштаба, на стволах криптомерий вокруг святилища Хаконэ тоже стали появляться человеческие лица.

Слухи о необычном явлении быстро просочились в прессу, и окрестности озера Асиноко оказались под пристальным вниманием журналистов. Всё это мешало людям Фума подсаживать души в древесные стволы — о чём они и решили рассказать своему командиру.

— Ничего не желаю слышать, — отрезал Котаро. — Цуцуга собирает души, значит, проблем никаких нет, занимайтесь этим хоть ночью. Да, мир сейчас не такой, как четыреста лет назад, но на то вы и синоби, чтобы приспособливаться к обстановке.

Подчинённые виновато притихли.

— От Никко не отставать. Впереди сложный ритуал, который свяжет два святых места Канто: Никко и Хаконэ. Ни ошибок, ни задержек я не потерплю. Время не ждёт, отправляйтесь работать.

Выдохнув «так точно», разведчики исчезли, словно их ветром сдуло. Оставшись один посреди мокнущего под дождём леса, Котаро посмотрел в сторону дома с безотчётным любо-

ПЫТСТВОМ.

Интересно, о чём сейчас думает тот человек?..

Отбросив со лба мокрые волосы, Котаро обернулся к противоположному берегу озера, где стояло святилище Хаконэ.

* * *

Наступил вечер, а дождь так и не перестал. Слышно было, как капли стучат по крыше. Котаро вошёл в комнату, где даже не горел свет, и спросил сидящего там мужчину:

— Ну, как настроение после бесплодно прошедшего дня?

Наоэ не пошевелился, вообще никак не отреагировал на появление постороннего. Он сидел рядом с постелью Такаи в той же позе, что и несколько часов назад. На время воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками дождя, а потом Наоэ, не оборачиваясь, вполголоса сказал:

— Сколько он так ещё продержится?

— Кто знает, — ответил Котаро. — Может статься, несколько лет.

Наученный видеть в темноте, синоби отметил, что мужчина наконец повернулся к нему лицом — и лицо это было спокойным. Котаро слегка удивился:

— Тебе разве не больно наблюдать, как умирает твой хозяин?

— А должно быть? — сказал Наоэ, прищурившись. — Так положено верному псу?

— Что?

— Нужно пустить слезу, чтобы считаться хорошей собакой? — выплюнув ехидную фразу, Наоэ устало улыбнулся. — Если ты пришёл жалеть меня — уходи. Если пришёл надо мной посмеяться — смейся.

— Ты хочешь быть осмеянным?

— Презрение намного лучше сочувствия, а мне всё так надоело... Пропади оно всё пропадом, ей-богу.

Наоэ хрипло рассмеялся — таким странным смехом, что Котаро подумал, уж не тронулся ли тот умом.

— Не понимаю я тебя... — синоби выглядел сбитым с толку, — то ты пылок и горяч, как огонь, то безразличен и холоден, как лёд. Я думал, ты преданный вассал, готовый жизнь отдать за господина, но я, верно, ошибся...

— Значит, я не преданный?

— Не знаю. Я не знаю, что в тебе правда, а что ложь.

— И то и другое — правда, — сказал Наоэ и пристально посмотрел на Котаро. — Что вы теперь собираетесь с ним делать? Звать обратно к Ходзё? Бесплезно. Он четыреста лет был человеком Уэсуги — поздно требовать от него содействия семье.

— Так ли уж поздно? Он проиграл в борьбе за наследство, Уэсуги убили его, можно сказать. Что, если в глубине души он их ненавидит?

Наоэ скривился, вспомнив, как сам воевал против Кагэторы во время смуты Отатэ, но потом тряхнул головой, отбрасывая эти мысли.

— А Ходзё что, лучше? Сначала отдали в заложники, а потом разорвали союз, оставив родича на произвол судьбы. В любом случае всё это уже быльём поросло, за четыре-то столетия.

— Ты уверен?

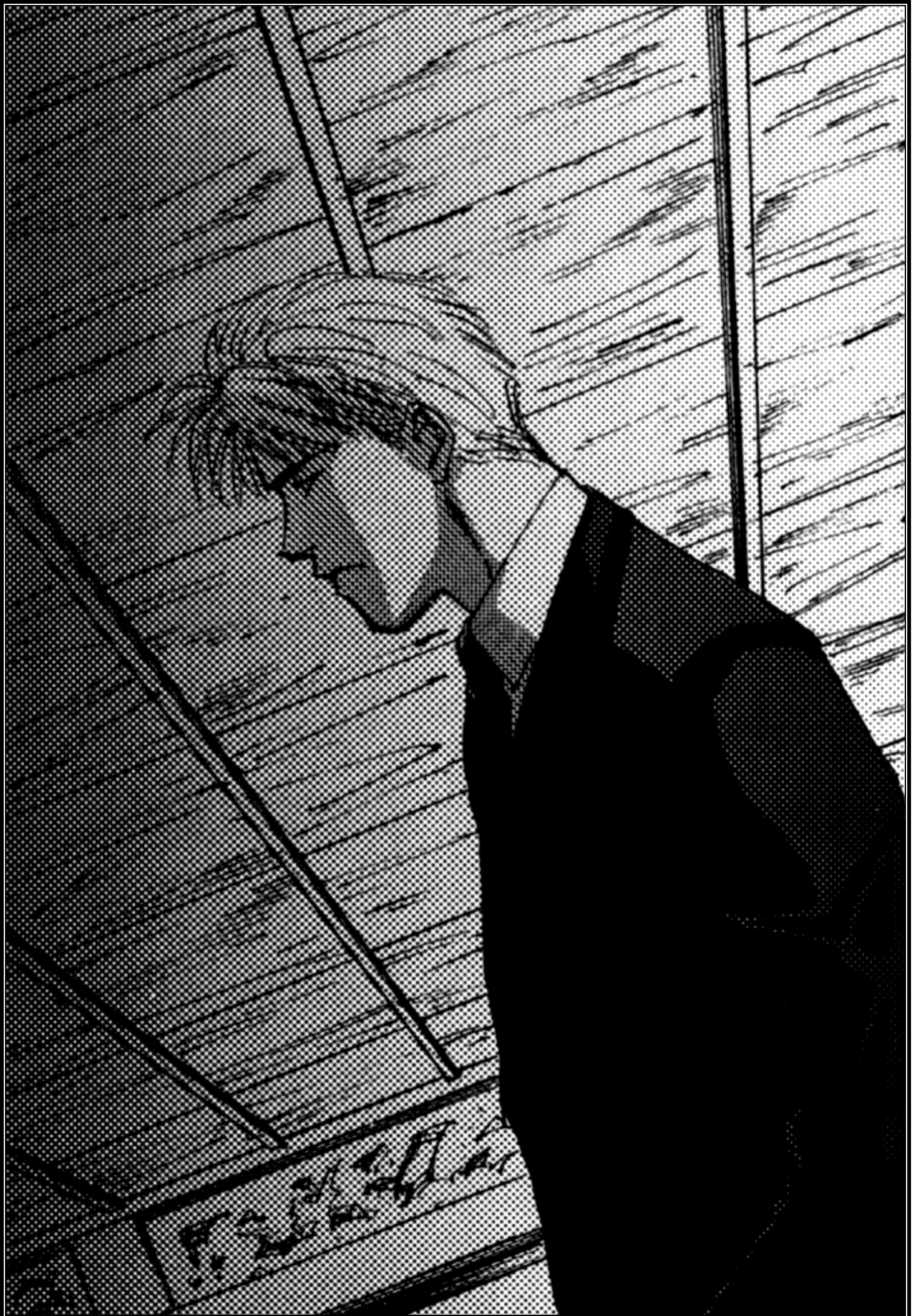
— Не волнуйся, — сказал Наоэ с циничной усмешкой, — сейчас он ненавидит только меня.

Для человека на грани отчаяния, каким он Котаро сперва показался, у Наоэ была удивительно спокойная и уравновешенная речь.

— Что вы, Ходзё, вообще задумали? Украли Зеркало Цуцуги, насажали душ в деревья вокруг Футарасан... Зачем вам понадобилось святилище Тосёгу? Завидуете победоносному Иэясу?

— Врагов в свои планы не посвящают.

— Ишь повылазили из могил... Эпоху Усобиц переиграть захотели, дураки. Сколько бы проигравшие ни старались... нет, чем больше они стараются, тем ярче сияет ореол славы победителей. — Наоэ усмехнулся в нос. — Иэясу сейчас, наверное, смеётся над вами.

— Ты любопытный человек, — сказал Котаро своим обычным размеренным тоном. — Чтобы оценить тебя мне не хватает данных. Очень интересно... Хороший повод изучить, как работает психика у тебя и тебе подобных — может пригодиться потом для какого-нибудь задания.

— Я что, подопытная крыса?

— Образец. Разновидность вассала.

— Только этого мне не хватало, — выдохнул Наоэ и отвернулся. Котаро некоторое время слушал, как шумит за окном дождь, а потом бросил, будто невзначай:

— Тебе не хочется знать, где находится Зеркало Самца?

— Что?

— Кагэтора-доно вот-вот станет жертвой Дерева в святилище Хаконэ. Прощайся с ним сейчас, пока можешь.

— Что ты сказал?!

Но Котаро ушёл не ответив. Наоэ замер как громом поражённый.

Дождь яростно барабанил по стеклу.

ГЛАВА 12. СМЕЮЩИЙСЯ ПОБЕДИТЕЛЬ

Нариту Юзуру похитили.

Аяко узнала об этом от Чиаки накануне вечером, сразу после того, как Наоэ сказал ей по телефону, что Кагэтора, возможно, стал жертвой цуцуги.

— Как так?!

— Извини, оплошал. Их было слишком много...

Чиаки звонил из полицейского участка, улучив свободную минуту. До этого он был занят, собирая сведения.

— Машину в полиции определили по номеру, но она, естественно, оказалась краденая... Обещают искать, но это займёт время. Впрочем, Нарита носил браслет с шестибуквенным дарани — думаю, если сесть позвенеть в колокольчик, направление покажется...

— погоди, Нагахидэ. Давай-ка с самого начала... Значит, Юзуру похитили? Но кто и за чем?..

— Ну уж не ради денег: мне иллюзией чуть шею не свернули. Хотя, может, у духов-генералов кончился военный бюджет.

Чиаки острил, а значит, в целом сохранял спокойствие — весьма похвально. Такая бы на его месте возбудился настолько, что картину случившегося сложно было бы восстановить.

— Похитителя я вычислил. Кажется, это младший брат Датэ, ну, который ещё Наоэ в Ямагате помог. Он что-то говорил про Сэндай, про месть за свою мамашу...

— Датэ?

Аяко удивилась, ведь один из вассалов Датэ, Катакура Кодзюро, был в Никко вместе с Наоэ.

— По-твоему, Юзуру похитили Датэ? Это очень странно, потому что они сейчас с Наоэ ищут цуцугу.

— Какую ещё цуцугу?

— Как какую?.. Ах да, ты же ничего не знаешь...

И Аяко в деталях поведала ему о том, что произошло.

— Кагэтора просил о помощи из зеркала?!

— Наоэ звонил минуту назад. Сказал, что поедет в Одавара, — а мне теперь ехать в Никко вместо него.

— Снова этот придурок вляпался в историю! — рявкнул Чиаки и треснул кулаком по стеклу кабинки. О поисках Юзуру было мгновенно забыто. — То есть Кагэтору слопала цуцуга? Которой командуют Ходзё? Где он шляется, идиот!

— Ладно, я думаю, Наоэ его выручит как-нибудь. Наша задача — отыскать Юзуру. Я поеду в Никко, встречу с Катакурой — замешан он в этом деле или нет, что-нибудь да расскажет. И

Косака, говорят, тоже там...

— Ещё и Косака?! Чем вообще Наоэ без нас занимался?

— Короче, я еду в Никко. Записывай телефон для связи — это рёкан, в котором Наоэ ночевал. Катакура-сан остановился там же.

Аяко продиктовала номер и, велев держать её в курсе, закончила разговор.

— Чёрт! — со всей силы швырнув трубку на рычаг, Чиаки шагнул наружу. — Сначала Нарита, теперь Кагэтора...

Дал слабину — и вот, пожалуйста... Противник тоже не дурак, знает, когда нападать.

«Да ещё и родичи на этот раз...»

Выбрали самый удачный момент. Чиаки со злостью пнул телефонную будку.

Зачем кому-то понадобился Юзуру — ради его сверхспособностей? Опасно надолго оставлять его в руках врага. Если той невероятной силой, которая была явлена в Сэндае, кто-то воспользуется, неизвестно, что может произойти.

«Когда-нибудь я доберусь до него, вот увидите».

Вспомнив угрозу Мори Ранмару, Чиаки стиснул зубы.

«А если братец Датэ связан с Ода?»

Мысль не из приятных, но учитывая, что Кодзиро тогда примкнул к Могами, а за Могами стояли Ода... Очень может быть.

— Всё из-за этого сопляка, который ни на что не годен! — Обругав ни в чём не повинного Такаю, Чиаки вернулся к своему «леопарду» и залез внутрь.

По всему выходило, что машина похитителей (с номером префектуры Тотиги) из Мацумото направилась прямо на восток. Способ поиска, к которому прибег Чиаки, требовал использования ритуального предмета под названием конго-рэй¹⁰. Нужно было позвонить в колокольчик, и, когда звук (точнее, энергетический импульс) достигал искомого объекта, он возвращался отражённым и указывал направление. Похоже на гидролокатор субмарины: конго-рэй играет роль передатчика, а звонящий в него человек со своим шестым чувством — роль приёмника сигнала. Конечно, чем дальше объект, тем слабее отражённые волны и тем сильнее должны быть способности ищущего к ментальной разведке, чтобы его засечь.

Конго-рэй, который Чиаки держал в руке, мог посылать волны, отражающиеся от браслета Юзуру. За ритуальным колокольчиком пришлось побегать, но, по счастью, Чиаки успел добыть инструмент прежде, чем машина похитителей вышла из доступной ему ментальной зоны охвата.

Сигнал пришёл с восточной стороны, очень издалека. Судя по расстоянию, машина была уже в районе Тотиги.

«Никко?..»

Чиаки завёл мотор, резко опустил ручник и нажал на газ.

* * *

Аяко выехала из Иокогамы вечером и добралась до Никко ближе к рассвету, лишь ненадолго разминувшись с Наоэ. Она гнала свой FZR¹¹ всю ночь, только однажды остановившись на заправке — обычный человек на её месте давно выбился бы из сил, но Аяко, закалённая Усобицей Духов, умела выдерживать дальние поездки.

Взобравшись по Ирохадзаке к озеру Тюдзэндзико, она отыскала по карте рёкан Асаока и сразу пошла искать Катакуру, потому что отдохнуть ей было не нужно.

— Катакура-сан?..

Встречать гостью вышла Маико. Утро для работников гостиницы начиналось рано, но девушка была на ногах по другой причине: внезапный отъезд Наоэ посреди ночи так её взвол-

¹⁰ Конго-рэй — один из предметов буддистской ритуальной практики, колокольчик с ручкой в форме ваджры.

¹¹ Мотоцикл марки Yamaha.

новал, что она просто не смогла сомкнуть глаз.

— Да, я друг Нао... а... Татибаны. Скажите, что с ним хочет говорить Какизаки, я думаю, Катакура-сан поймёт.

— Друг?..

Маико разглядывала приезжую с явным подозрением — похоже, ей не понравилось, что «друг» Татибаны Ёсиаки оказался женщиной.

Примерно тех же лет, что и Маико, она тем не менее выглядела совсем взрослой. У неё был ярко выраженный стиль — и никаких видимых изъянов (не в пример Маико, которую всегда беспокоил размер талии). Женщина носила простые джинсы, но вздумай ей по-настоящему приодеться, и деревенская девушка не выдержала бы никакого сравнения.

Маико и без того переживала из-за Татибаны, её сердце плакало от бесконечных мыслей о нём. Не та ли это женщина, с которой Татибана вчера говорил по телефону? Любовь к которой назвал «нечестной»?

«Наверное, она...»

Поймав себя на том, что начинает закипать от злости, Маико внутренне подобралась, но её поведение уже выглядело невежливым.

— Подождите, — сказала девушка угрюмо и поднялась на второй этаж, к Катакуре.

«Я что-то не так сделала», — подумала Аяко, но, поскольку её присутствие рядом с Наоэ часто вызывало подобные недоразумения, она решила пока не ломать голову и оставить всё как есть.

— Какизаки-доно! — раздался голос со стороны лестницы. — А я вас ждал.

Аяко подняла голову.

— Катакура-сан...

— Твоя очередь заступать на пост, Какизаки? — из-за спины Катакуры показался Косака Дандзё, заставив Аяко вздрогнуть. Он приехал сразу после отъезда Наоэ. — Я слышал новости... Кагэтору слопала цуцуга, Нариту Юзуру похитили — чем вы, Уэсуги, занимаетесь?

— Отстань! Сам-то ты чем здесь занимаешься?

— Меняюсь сведениями — о том, кто стоит за кражей Зеркала Цуцуги.

— Пройдёмте в комнату, — вмешался Кодзюро, — там и поговорим. Асаока-сан, могу я попросить чая или кофе? Вам, Какизаки-доно, глоток горячего тоже не повредит. Всегда полезно успокоить ум и тело перед важной беседой.

* * *

Комната Катакуры располагалась на втором этаже, в самом конце коридора. Хотя здание гостиницы было построено по западному образцу, номера отделали в японском стиле, с татами на полу. Идея реконструкции принадлежала отцу Маико: он решил, что людям, приехавшим на горячие источники, так больше понравится.

Это был самый дорогой номер рёкана Асаока. Из его окон открывался вид на озеро Тюдзэндзико с горой Нантай позади, и отец Маико любил хвастаться, что лучшего вида не найти во всём посёлке. Девушка буквально выпросила у него эту комнату «для господ Катакуры и Татибаны».

Выпив кофе, Аяко немного расслабилась и рассказала двоим мужчинам эпизод с похищением Юзуру, как его описал Чиаки.

— Вы уверены, что это был господин Кодзироси? — спросил вассал Датэ, дослушав рассказ до конца. Он выглядел изумлённым и растерянным.

— Так следует из его слов. Хотя доказательств никаких нет — Нагахидэ же не знает, как выглядит его вместилище. Вот если бы там был Наоэ...

Катакура тяжело вздохнул.

— По правде сказать, мы сами не знаем, каков нынешний облик господина Кодзироси, — сказал он с горечью. — Возродившись, он примкнул к матери, госпоже Хосюнъин (вы слышали об этом) и вместе с ней поддерживал Могамии... После событий в Сэндае его местонахождение неизвестно. Тоно очень переживал и посылал людей на его поиски, но безуспешно. А потом до

нас дошли слухи...

— Какие слухи?

— Что господина Кодзи́ро видели с человеком по имени Мори, из клана Ода...

Аяко и Косака вскинули глаза.

— Ода?

— Учитывая, что именно Ода стояли за Могами, возможно, это и правда... Но почему господин Кодзи́ро не вернулся к брату? Если он не хотел противостояния — почему не вернулся потом?..

Взгляд Катакуры был полон сожаления. Аяко посмотрела на него сочувственно и ещё раз спросила:

— Значит, Датэ точно не знают, где сейчас находится Кодзи́ро-сан?

— Разумеется! Иначе мы тотчас же сопроводили бы его к моему господину, который очень ждёт встречи. Но ни где его искать, ни тем более зачем он похитил Нариту-доно, мы совершенно...

— ...Не представляете.

Не то чтобы Аяко безоговорочно доверяла Датэ. Поговаривали, будто они вступили-таки в Усобицу Духов, что делало их врагами, и насколько откровенными они были с Уэсуги — большой вопрос.

— Однако опасная получилась ситуация, — подал голос Косака. — Неизвестно, для каких целей им понадобилась сила Нариты Юзуру. Куда вы смотрели?.. Я столько раз предупреждал, чтобы не спускали с него глаз! Каков господин, таковы и вассалы. Сборище бездарей...

— Что?!

— Сами будете виноваты, если люди там, скажем, погибнут или города превратятся в пыль.

— Мы... мы... мы не допустим! И вообще, хватит выкаблучиваться — скажи уже, что из себя представляет этот мальчик, если знаешь!

— И это спрашивает лучший ментальный разведчик Уэсуги... Я же говорю — сборище бездарей.

— Это не мы бездари, это ты — чудовище!

Перепалка грозила перерасти в настоящую ругань, поэтому Кодзи́ро снова вмешался:

— Как бы там ни было, я обещаю помочь вам в поисках Нариты-доно. Если дело касается господина Кодзи́ро, мы не можем сидеть сложа руки. Господину Масамунэ я всё передам.

Аяко, всё ещё кипевшая от негодования, хмуро кивнула. Косака упёрся локтями в стол и сказал:

— Похоже, у вас прибавилось забот. Если Кагэтора-доно действительно стал жертвой цуцуги, то скоро, возможно, его посадят в Дерево и мы увидим его лицо на одном из стволов. Лишний повод для Какизаки-доно искать Зеркало.

— Катакура-сан, у вас уже есть какие-нибудь зацепки?

— Увы, пока нет. Но я не стал бы утверждать, что Уэсуги-доно пожрала цуцуга. Кое-что не сходится.

— То есть?

— Когда он вчера появился в зеркале, его мог видеть не только Наоэ-доно, но и я, и Асаока-сан, тогда как в случае с братом девушки отражение показывалось только ей. Иными словами, Синья-сан, уже находясь в Дереве, использует зеркало, источник силы цуцуги, как проводник, чтобы передать свой образ определённым людям. С Уэсуги-доно всё иначе — там было ощущение присутствия... Как будто мы видели не его отражение, а его самого, обитающего внутри зеркала... Я думаю, человек с хорошими способностями к ментальной разведке мог бы даже с ним говорить — смог же Наоэ-доно получить мысленную волну.

— Вы хотите сказать, что Кагэтора не просто отражается в зеркале, а действительно находится в нём?

— Это всего лишь предположение. Но среди легенд о цуцуге есть одна, повествующая о запертом в зеркале человеке. Случилось это после того, как Сёдо-дзёнин превратил самку цуцуги в Зеркало, которое спрятал в святилище Футарасан.

И Кодзи́ро рассказал им вот какую историю.

Забрался однажды в святилище Футарасан разбойник и украл Зеркало Цуцуги, не зная о

том, какую опасную вещь берёт. Вернувшись домой, он подарил Зеркало своей жене. Жена взглянула в Зеркало — и потеряла душу. Заплакал разбойник, пошёл к людям просить совета, но никто ему ничего путного не сказал. Так он и остался один горевать.

Потом вдруг в городе начали твориться чудеса: жена разбойника являлась в каждом зеркале каждого дома и просила о помощи. Позвали Сёдо-дзёнина, чтобы разобрался, что к чему. Святой человек призвал женщину в своё зеркало, выспросил у неё обо всём, что произошло, и сказал: «Если разбойник обещает исправиться, я тебе помогу». Потом он взял Зеркало Самца, поставил напротив Зеркала Самки и вызволил запертую душу.

— То есть женщина словно оказалась в зеркальной стране и любые зеркала были для неё окнами во внешний мир, через которые она могла общаться с остальными людьми.

— Значит, Кагэтора попал в Зеркало Самки! Никакая цуцуга его не ела!

— Наоэ-доно как раз и отправился это выяснить, следуя полученной подсказке — образу святилища Хаконэ на озере Асиноко. Но если окажется, что Уэсуги-доно действительно в Зеркале Самки, то...

— ...чтобы вытащить его оттуда, понадобится Зеркало Самца, — пробормотал Косака, переводя взгляд на простирившееся за окном озеро Тюдзэндзико. — Тогда Наоэ больше не имеет права уничтожать Зеркала.

— Косака-доно, что слышно о Зеркале Самца?

— Мои люди кое-что узнали. Зеркало, которое числилось среди принадлежностей святилища Хаконэ, действительно было Зеркалом Самца, привезённым с горы Куно. В первые годы Мэйдзи сокровище снова перевезли, в дочернее святилище, которое давно уже разрушено. ...Интересна личность его хозяина.

— А что с ним?

— Сёдзи Дзинуэмон¹², торговец из Токио, основатель и распорядитель эдосского квартала развлечений Ёсивара. Сделал из Ёсивары процветающий «весёлый квартал», и помог ему в этом, как говорят, уцелевшие люди Фума. Говорят также, что Дзинуэмон и сам происходил из этого клана...

Аяко и Кодзюро издали удивлённый возглас.

— Если семейство Сёдзи было связано с кланом Фума, значит, как только Зеркало Цуцуги увезли из Хаконэ, оно и оказалось у них в руках!

— Видимо, да. Но где оно находится сейчас — по-прежнему неизвестно. Есть другая, более насущная проблема: кто-то подселает души людей в деревья вокруг Никко. Кроме священного дерева Футарасан лица появились и на других стволах. Всё это — неочищенные души самоубийц с водопада Кэгон, их пожрала цуцуга.

— В чём цель, интересно?.. — нахмурившись, пробормотала Аяко. Тогда Кодзюро сказал:

— Деревья на храмовых территориях часто называют вместилищами божества. Их энергия во много раз выше, чем у обычных деревьев. Небесным сущностям бывает проще сойти в них и проще проявить свою божественную силу. В храмах, где таких деревьев тысячи, энергия местности от природы сильна, что помогает, в свою очередь, поддерживать святость. Но на протяжении последних нескольких дней, — голос Кодзюро зазвенел от напряжения, — энергия в горах Никко возрастает с невероятной скоростью, и уже во много сотен, нет, тысяч раз превышает энергию обычной земли. Это происходит пропорционально тому, как увеличивается число душ в стволах.

Аяко охнула. Кодзюро, упёршись локтями в столешницу, подался вперёд:

— Зачем им это понадобилось, я не знаю, но такой концентрации даже святое место не выдержит. Если так пойдёт и дальше, вся область Никко окажется разрушена.

— Они что, хотят таким образом сровнять Тосёгу с землёй?

— Не знаю. Не слишком ли изощрённый способ?

На некоторое время воцарилась тишина: каждый обдумывал услышанное. Потом Косака поднялся и сказал:

¹² Сёдзи Дзинуэмон (обычно читается как Дзинэмон) — направил к сёгуну петицию с просьбой о создании специализированного квартала публичных домов. Просьба была удовлетворена, и в Эдо появилась Ёсивара.

— Ладно, надо что-то делать, причём быстро. В городе продолжают странные смерти — видимо, добычи с водопада Кэгон цуцуге оказалось мало. Кроме того, она, похоже, не одна.

— Что?!

— Должно быть, Фума сотворили из Зеркал новых детёнышей. Местное население может вымереть целиком, если ничего не предпринять... — Дойдя до порога, он обернулся: — А если Уэсуги даже на это не способны, пусть не называют себя больше защитниками справедливости.

И, бросив быстрый взгляд на позеленевшую от досады Аяко, Косака вышел из комнаты. Медленно затворилась дверь; Аяко и Кодзюро хмуро уставились на её гладкую деревянную поверхность.

Снаружи тем временем полностью рассвело. Проглядывающее среди плотных облаков солнце украсило яркими бликами озёрную ширь. Аяко спустилась вниз, чтобы поставить мотоцикл на стоянку, и в вестибюле столкнулась с Маико, которая, кажется, её ждала.

— Вы что-то хотели?

— А... — Девушка замялась. Она вовсе не думала подслушивать под дверь, но разговор коснулся Татибаны, которого эти люди называли «Наоэ», и Маико просто не смогла уйти. Теперь она явно нервничала.

— Скажите: что Татибана-сан будет делать с Зеркалом?

— С Зеркалом?..

Маико снова помолчала, собираясь с духом, а потом подняла голову и выпалила:

— Он же обещал его разбить! Обещал спасти моего брата!

— Ах да, вы же сестра...

— Если Зеркало Цуцуги поскорее не разбить, Синья умрёт. Татибана-сан обещал, что делает это. А теперь ради кого-то, кто оказался в Зеркале, он готов обречь моего брата на смерть?!

— Погодите, погодите, — примирительно сказала Аяко, — никто не собирается никого обречь на смерть.

— Но говорили же, я слышала!.. Что Татибана-сан «не имеет больше права уничтожать Зеркала»? Значит, на моего брата наплевать? Если он умрёт раньше, никому и дела не будет?!

— Вы ошибаетесь...

— Он обещал, обещал мне первой!

И обещал так искренне... Но вот появляется кто-то, кто для Татибаны важнее, чем её брат, — возмутительно! Ведь обещание помощи было единственной тонкой ниточкой, связывающей их, а теперь она должна смотреть, как эта связь рвётся? Как её, Маико, отодвигают на задний план? Ну уж нет!

— Асаока-сан... — Аяко догадывалась о том, что происходит в сердце девушки. Жизнь её брата висела на волоске, желание спасти его было естественно и понятно. Понятно было и другое, то, что Маико изо всех сил пыталась скрыть: отчаяние человека, который по-настоящему влюблён.

Но влюбиться в Наоэ...

Аяко украдкой вздохнула.

— Асаока-сан, вы ведь тоже видели мальчика в зеркале?

— Да... Кто он такой? Знакомый господина Татибаны?

— Знакомый?.. — Аяко помолчала. — Наверное, можно и так сказать. Хотя, окажись на его месте посторонний, Наоэ и тогда попытался бы спасти его вместе с вашим братом. Я уверена, он сделал бы всё от него зависящее, чтобы выручить обоих, если бы только... речь шла о ком угодно другом, но не об этом мальчике.

— Я вас не понимаю...

— М-м... Короче, для него вопрос уже не в том, кого спасти, а кого нет. — Аяко приложила руку к губам и болезненно поморщилась. — Наоэ может и разбить Зеркало Цуцуги...

— Что? — невольно переспросила Маико. Это был странный, противоположный её ожиданиям вывод.

Аяко, испугавшись собственных слов, повернулась к висящему на стене зеркалу, словно в поисках поддержки.

* * *

Позавтракав в номере Катакуры, Аяко пошла в отведённую ей комнату и какое-то время просидела там без дела. По-хорошему надо было скорее отправляться на поиски цуцуги, но нахлынувшее внезапно беспокойство как будто придавило её к земле; она не могла заставить себя никуда выйти.

«Наоэ разобьёт Зеркало...»

Какие у неё были основания так думать? Да вроде бы никаких...

«Разобьёт, пока Кагэтора внутри...»

Но мысль почему-то не уходила. Казалось бы, всё должно быть наоборот: Наоэ должен защищать Кагэтору любой ценой, спасти его, невзирая ни на какие жертвы, с лёгкостью обменять его жизнь на жизнь Синьи... Откуда эта тревога?

Сейчас Аяко жалела о том, что отпустила Наоэ одного. Ей очень хотелось в него верить, но внутренний голос нашёптывал: «Разобьёт».

— Как же быть? — пробормотала она, обращаясь к большому зеркалу на стене. — Что же делать? Не понимаю. Ни Наоэ не понимаю, ни тебя...

Аяко встала и подошла к зеркалу вплотную.

— Я запуталась, ясно? Выходи! Ты же видишь меня оттуда, слышишь мой голос — так выходи и скажи мне, что делать, Кагэтора!

Но из зеркала на неё смотрело лишь её собственное отражение. Аяко схватилась за раму и сердито потрясла.

— Без тебя ничего не получается! Ну, что ты ждёшь? Тебе всё равно, что задумал Наоэ? Разве он не собирается тебя спасти? И Юзуру-кун — с ним-то как быть? Говори!

Ответа по-прежнему не было. Аяко, чуть не плача, закричала:

— Выходи сию же минуту! Или ты у нас только Наоэ теперь показываешься?! — (Зеркало равнодушно отражало её искажённое отчаянием лицо.) — Одна я ничего не могу... Что творится в Никко? Чего хотят Ходзэ? Где, чёрт возьми, искать это Зеркало Самца?! Ты же слышишь меня! Пожалуйста, пожалуйста, скажи!..

Но ничего не произошло. Аяко смахнула слезу, вздохнула и снова села на кровать.

Она понимала, что вызвать Кагэтору не так-то просто — ведь не вся его сила при нём. С другой стороны, он всё ещё больше «Такая», чем «Кагэтора», и это с Такаей приходится иметь дело...

«Значит, нужно выкручиваться самим».

...Как они выкручивались всё то время, что Кагэторы не было рядом. Но теперь, когда он снова здесь, так хотелось переложить ответственность на него. Глупое желание, Аяко понимала это, но ничего не могла с собой поделать. Казалось, что раз Кагэтора здесь — всё будет хорошо, нужно просто следовать его указаниям, ведь раньше это всегда гарантировало успех.

Однако сейчас всё по-другому. Полагаться не на кого, потому что Кагэторы, которого она знала, больше нет — вот как следовало думать.

Вместо «Кагэторы» есть «Такая», а он ещё слишком мал, чтобы столько взваливать на него. С этим делом им тоже придётся разбираться самим. Справятся ли они?

«Мне надо идти...»

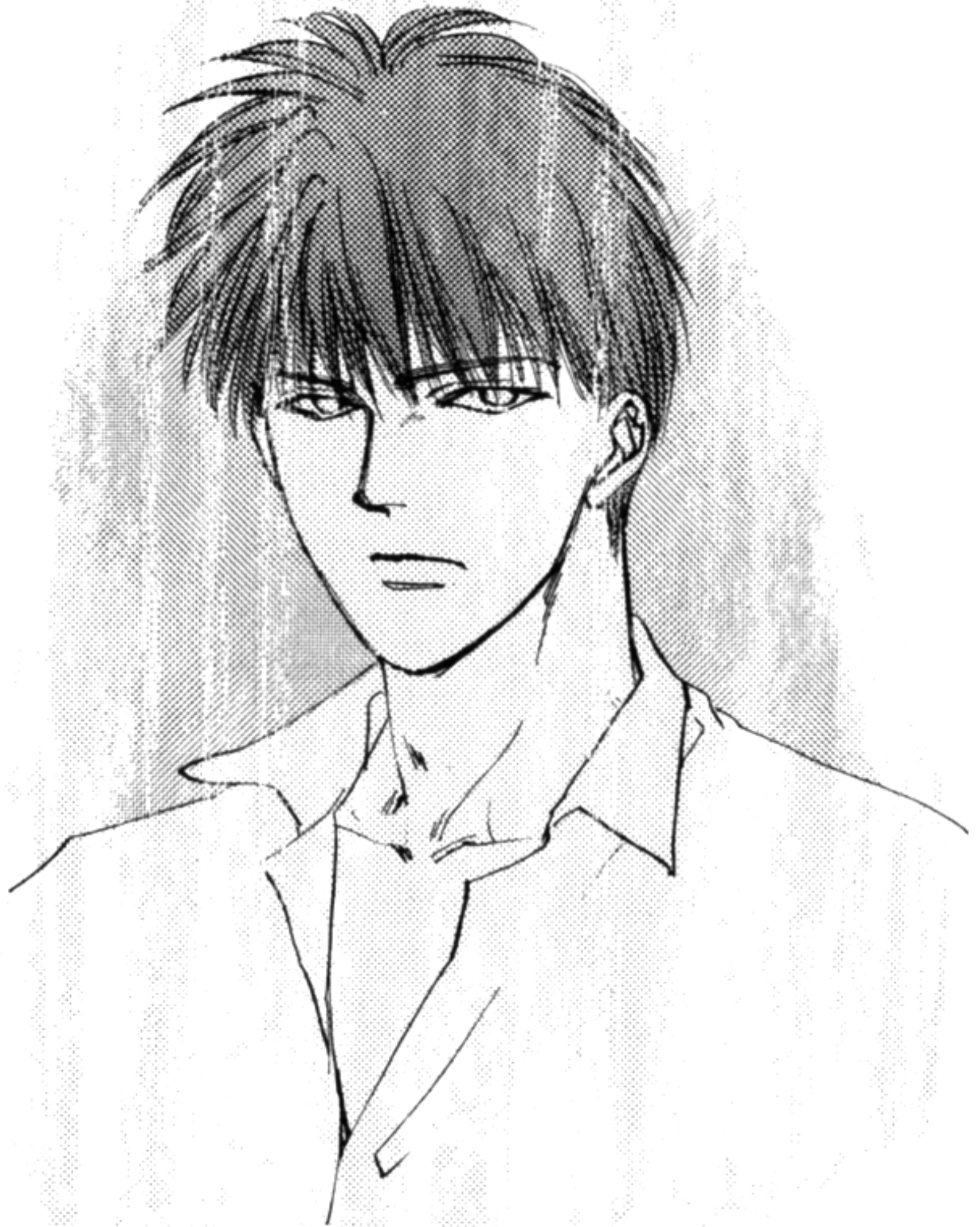
Аяко резко поднялась с постели, словно стряхивая с себя сомнения. Думать некогда, нужно действовать. Хватит вечно рассчитывать на Кагэтору, сейчас он ничем не в состоянии помочь. Подхватив шлем и ключ от мотоцикла, Аяко направилась к выходу, но у самой двери вдруг услышала:

«Харуиэ...»

Она вздрогнула и резко обернулась: сзади никого не было. Потом голос снова отчётливо произнёс её имя.

— Кагэтора! — Аяко подскочила к зеркалу на стене. — Кагэтора, это ты?

Гладкая поверхность отражала её саму, предметы обстановки... и ничего больше. «Послышалось», — Аяко понурилась и снова хотела уйти, как вдруг в отражении за её спиной показалась неясная тень. С каждой секундой тень становилась всё отчётливее и отчётливее, принимая очертания человека.

Аяко открыла рот, чтобы позвать его по имени, — и запнулась. Появившийся в зеркале Такаэ не был похож на себя. Его глаза смотрели слишком холодно и остро. «Это действительно Кагэтора!..»

«Ты слышишь меня?» — с невозмутимым видом спросил он.

— С-слышу!.. — Аяко невольно выпрямилась. — Это в самом деле ты?

Судя по всему, слышимость действительно зависела от способностей принимающего. Кагэтора должен был быть достаточно силён, чтобы передавать, но ни Наоэ, ни Чиаки не смогли бы говорить с ним, как Аяко.

— Где ты сейчас? Тебя правда заперли в Зеркале Цуцуги? — (Кагэтора не торопился с ответом.) — Ходзё постарались? Во всём, что происходит в Никко, тоже виноваты они?

Кагэтора кивнул, подтверждая её правоту, а потом мысленно передал: *«Слушай меня внимательно и выполни всё в точности, как я скажу».*

— Ну, давай.

«Сегодня вечером к тебе придёт один человек, встретиться с ним во что бы то ни стало».

— Какой человек?

«Из Ходзё. Я сделаю так, чтобы он вынужден был тебя искать. Он расскажет о планах Ходзё всё, что нужно, а потом сам приступит к действиям, поэтому, прежде чем отпустить его, обязательно дай ему зеркало».

— Любое зеркало, да?

Он спокойно кивнул. Спокойствие в подобной ситуации было удивительно, но именно оно и делало Кагэтору Кагэторой.

«Ни о чём не волнуйся, просто выполняй».

— Как я могу не волноваться? — горячо возразила Аяко. — Что у тебя на уме? Чем там занят Наоэ? Ты понимаешь, что он может тебя...

Кагэтора вдруг улыбнулся краешком рта. Аяко застыла.

— Кагэтора...

«Того, кто придёт к тебе, ты на самом деле хорошо знаешь, — продолжал он. — Этот человек не посмеет нам противиться».

— Кто?.. Как его зову... — Аяко не успела закончить фразу, а фигура в зеркале уже начала таять. Кагэтора уходил, не обращая внимания на её протесты, и вскоре окончательно исчез... перед этим назвав ей имя.

ГЛАВА 13. РАСПЛАТА ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Тояма Ясухидэ вернулся в Никко, когда солнце уже клонилось к западу. Сразу пройдя в апартаменты своего господина, он доложил, что Удзитэру согласился принести Кагэтору в жертву Дереву. Ходзё Удзимаса похвалил его, а потом добавил:

— Вообще-то я думал, он будет упираться до последнего...

Удзимаса жил в теле высокого очкастого мужчины лет сорока пяти, который лицом — вытянутым, с узкими глазами — даже походил на него самого в предыдущем воплощении.

Его штаб-квартира располагалась в районе загородных вилл рядом с водопадом Кирифури. Этот относительно большой для здешних мест особняк, по размеру сравнимый с отелом, стоял на берегу неглубокого речного ущелья; шум воды проникал сквозь стены, создавая в доме приятную атмосферу. Человек, тело которого занимал Удзимаса, купил дом пять лет тому назад — в свои молодые годы он уже был управляющим крупной гостиничной сети.

Разговор между господином и слугой происходил в кабинете на втором этаже.

— А Сабуро ты видел?

— Нет... не довелось...

Удзимаса хмыкнул.

Старший из братьев Ходзё — самый умный, расчётливый и дальновидный из всех — был полной противоположностью Удзитэру, чья горячая кровь всё время тянула его в битву. При жизни они хорошо дополняли друг друга, когда брались за дело вместе, — успех сопутствовал им

как в политике, так и на войне.

— Не соври мы про отца, Удзитэру бы ни за что не согласился. Это была вынужденная мера. Удзимаса бросил взгляд на деревья за окном и пробормотал:

— Ему, в отличие от меня, не чужды братские чувства...

— Удзимаса-сама, могу я спросить, что стало с жертвой для Никко?

— Сидит у меня под замком — наши соратники доставили его в целостности и сохранности.

Осталось сделать кое-какие приготовления, чтобы вытащить на свет эту «великую силу», о которой столько говорят.

— Жертва предназначена для главного ствола в святилище Фугарасан, верно?

— Да. Но нам всё ещё не хватает душ. Всех окрестных призраков мы уже собрали, но они слабы — нужны души живых людей, полные жизненной силы. Цуцуги стараются, как могут. — Удзимаса сунул в рот сигарету, и Тояма тут же поднёс ему зажигалку. — В Хаконэ всё готово, и Стрелки Грома в Татэяме и на горе Куно младшие братья уже выстроили. Одни мы — важнейшее звено, источник импульса — опаздываем. Плохо... В округе рыскают Такэда с Одой, нужно поспешить, пока враги не разгадали наши планы.

— Что прикажете мне делать дальше?

— Служить и впредь моим гонцом. Поедешь с донесениями к Удзинори на гору Куно и к Удзигуни в Татэяму. Твой отец, Тояма Ясумицу, был способным дипломатом — надеюсь, ты справишься не хуже, чем он. Я доверяю тебе и рассчитываю на тебя.

— Слушаюсь, — ответил Тояма. В ту же минуту раздался стук в дверь.

— Входите!

Дверь распахнулась, впуская в комнату слугу Удзимасы.

— Тоно, — сказал он, — господин Датэ просит встречи. Пригласить его в гостиную?

— Нет, веди сюда. Ты свободен, Тояма.

Когда гонец, откланявшись, вместе со слугой вышел за порог, Удзимаса сел за стол и принялся изучать разложенную на нём карту Канто. Его взгляд останавливался на точках, помеченных красным, и в голове с невероятной скоростью совершались различные подсчёты.

«Действительно, никто, кроме Сабуро, не подходит...»

В глазах Удзимасы зажёгся расчётливый огонёк.

«Мне повезло с родственниками».

На его губах мелькнула улыбка, и тут в дверь снова постучали. Когда Удзимаса отозвался, в комнату вошёл невысокий худощавый юноша старшего школьного возраста.

— Рад вас видеть, Кодзиро-доно, — сказал Удзимаса приветливо, шагая навстречу гостю. — Нравится ли вам в моём особняке?

— Человек, который сейчас вышел, — гонец из Хаконэ? Похоже, ваша задумка насчёт Кагэторы-доно благополучно осуществляется... — Кодзиро сел на диван, повинуясь приглашающему жесту Удзимасы, и поднял на него свои умные глаза. — В Сэндае мне довелось видеть, как он изгоняет, и могу подтвердить, что слухи о его силе несколько не преувеличены — Кагэтору-доно следует принести в жертву хотя бы для того, чтобы эту силу запечатать.

— Приятно встретить единомышленника, — сказал Удзимаса, сворачивая карту. — Признаться, я был немало удивлён, когда вы, младший брат знаменитого Масамунэ-доно, пришли ко мне со своим предложением, благодаря которому наш план сейчас и продвигается так хорошо. Четыреста лет назад Восточный альянс¹³ не сложился, союз с Датэ так и остался мечтой — тем более радостно мне сейчас сотрудничать с вами. — Взгляд Удзимасы внезапно стал хищным. — Считайте, что место в ряду первых вассалов Ходзэ вам обеспечено.

Кодзиро потупился и коротко кивнул.

— Позвольте спросить вас, Удзимаса-доно, — сказал он после паузы, — вы всё ещё не отыскивали господина Удзиясу?

— Нет, — осторожно ответил старший из братьев Ходзэ, — Удзитэру я вынужден был солгать, сославшись на несуществующий отцовский приказ, иначе бы он не согласился принести Са-

¹³ Восточный альянс — несложившийся союз между правителями земель Канто, который мог бы помочь им противостоять Нобунаге.

буро в жертву. Но никто до сих пор не знает, где сейчас находится отец, хотя его присутствие в этом мире не вызывает сомнений. Он не раз выручал нас из беды и словно бы присматривает за нами издалека...

— Выходит, он не намерен вступать в Усобицу Духов?

— Не знаю. Возможно, он предпочитает следить за происходящим с некоторого расстояния, как делал это при жизни, — ведь он раньше времени ушёл на покой, уступив мне место главы клана, и наблюдал со стороны за нашими битвами, за тем, как мы правим нашими землями, лишь изредка давая советы. — Удзимаса улыбнулся. — Но теперь я готов показать ему, как Ходзё становятся властителями Канто. И тогда он вернётся — не сможет не вернуться, ибо дальше ему предстоит стать властителем всей страны. Только мой отец, Ходзё Удзиясу, и достоин этого звания. — Ясные глаза Удзимасы загорелись честолюбивым огнём. — Не уйди он тогда из жизни, ни Тоётоми, ни Токугава никогда не взобрались бы на вершину. Но теперь я покажу им всем, кто здесь истинный победитель.

Козиро помолчал немного, а затем сказал:

— Удзимаса-доно, человек, предназначенный в жертву, пришёл в себя. Хотите с ним встретиться?

— Уже очнулся? И как он?

— Телесных повреждений нет. Взглянете одним глазком?

— Хм... Ну ладно, одним глазком.

И Удзимаса неторопливо поднялся.

* * *

Пленника, которого привёз Кодзиро, заперли в подвальной комнате. Дом стоял на краю ущелья, поэтому даже в подвале было окно, выходящее прямо на речку, но железная решётка на нём исключала любую возможность побега.

Пройдя по длинному коридору до конца, Удзимаса заметил у дверей комнаты незнакомого юношу.

— Кодзиро-доно, кто это?

— Мой вассал. Он знает, как пробудить силу жертвы.

— Вот как...

Юноша — красивый белокожий шатен — слегка поднял голову. Его глаза, на секунду остановившиеся на Удзимасе, были карими, и черты лица выдавали примесь европейской крови. Юноша изогнул яркие губы в мимолётной усмешке, которой Удзимаса, впрочем, не придал особого значения.

Удзимаса шагнул в комнату, Кодзиро последовал за ним, обменявшись с незнакомым юношей многозначительными взглядами. Но никто из людей Ходзё этого не заметил.

Обстановка комнаты казалась обычной: отделка в светлых тонах, простая, но создающая ощущение чистоты; стол, кровать, маленькая картина на стене в качестве единственного украшения. Ещё одна дверь вела в санузел, и, если бы не решётка на окне, здесь можно было бы сесть гостей.

Когда Удзимаса и Кодзиро вошли внутрь, сидящий на кровати пленник сердито вскинул глаза.

— Действительно, — сказал Удзимаса, — бодр и полон сил.

— Кто вы такой? — требовательно спросил Юзуру.

Он очнулся совсем недавно. Сначала его вырубил удар по шее. В машине, когда он начал приходить в себя, ему быстро зажали лицо тряпкой со снотворным, и в следующий раз он открыл глаза уже в этой комнате, в плачевном положении узника.

— Сейчас же объясните, по какому праву меня здесь держат.

Судя по несвойственным его голосу низким ноткам, Юзуру негодовал — и имел на то веские причины: похищение, подобное этому, выходило за рамки простой невежливости и опасно приближалось к преступлению. Глядя на оцетинившегося Юзуру, Удзимаса усмехнулся:

— Я слышал, в последние годы ты оказывал моему младшему брату немало услуг.

— Брату? Не знаю такого.

— Кажется, вы с ним были дружны. Но Сабуро сделал глупость: сам привлёк к тебе внимание генералов.

— Сабуро?.. — В голове Юзуру мелькнула догадка. Его собеседник поправил очки на носу и медленно скрестил руки на груди.

— Моё имя — Ходзё Удзимаса, и я прихожусь Сабуро Кагэторе старшим братом.

Юзуру вытаращил глаза.

— Значит, вы и Такая...

Он не был большим знатоком истории, но имена братьев Ходзё знал — ещё со времён какой-то компьютерной игрушки. В последние же месяцы Юзуру столько наслушался от Чиаки обо всём, связанным с Кагэторой и его окружением, что теперь разбирался в феодальных кланах лучше самого Такаи.

Услышав имя Удзимасы, он сразу понял, кого видит перед собой: четвёртого главу Ходзё, который правил кланом под бдительным оком своего ушедшего на покой отца, пытаясь утвердиться в Канто, играя на равных с сильными соперниками. Этот полководец до последнего сопротивлялся Тоётоми Хидэёси, держал знаменитую осаду Одавара и в конце концов был вынужден совершить сэппуку вместе со своим младшим братом Удзитэру.

А ещё он приходился старшим братом Кагэторе. Именно по его приказу последний и отправился в Этиго. Этот человек должен быть Такае глубоко небезразличен.

«Но что ему от меня надо?..»

Удзимаса прервал размышления юноши, обратившись к нему по имени:

— Нарита Юзуру... Я слышал, что в Сэндае ты продемонстрировал некую силу, которую все называют «великой». Свободно повелевал двумя мёо¹⁴ — Дайитоку и Годзандзэ, помешав Могами провести магический ритуал.

— Понятия не имею, о чём вы говорите.

Юзуру не притворялся — он правда не помнил своих действий. Потом Такая рассказал ему в общих чертах, но чувства реальности произошедшего это Юзуру не прибавило.

— В любом случае при чём здесь это?

— Мы хотим позаимствовать твою силу, — сказал Удзимаса, подойдя к нему вплотную, — силу человека, чьей воле подчинялись божества.

— Ни за что, — быстро ответил Юзуру, вскидывая глаза. — Я ничего не помню, не знаю ни про какую силу... Но если бы она у меня и была, я всё равно не стал бы вам помогать.

— Даже ради Сабуро? Ведь он твой друг...

— Ради Такаи? — Юзуру смешался. — Каким образом это может пойти на пользу Такае?

— Сабуро вернулся в семью, стал одним из генералов Ходзё и отныне содействует нам.

— Неправда! — Юзуру невольно повысил голос. — Он никогда бы этого не сделал, хватит врать!

— Я не вру. Он же наш брат — естественно, что он на нашей стороне. Неужели тебе так сложно понять чувства друга?

— Такая — это Такая! Не Кагэтора! Даже если память Кагэторы вернётся, она останется лишь памятью, самого Такаю это не изменит!

— А если «Такая» исчезнет, уступив место «Кагэторе»?

Юзуру побледнел.

— Не может быть...

— Может. Уже свершилось. Теперь он полностью и окончательно «Сабуро Кагэтора» и именно в таком качестве присоединился к нам.

— Не может... этого...

— И я прошу у тебя помощи как у друга Сабуро, наверняка многим ему обязанного. В конце концов, тебе этого не избежать.

— Погодите... Неужели это Такая велел меня похитить?..

— Фактически, да. Поэтому не спорь, не сопротивляйся, просто делай, что тебе говорят.

¹⁴ Мёо — божества буддистского пантеона, стоящие на одну ступеньку ниже бодхисатв.

Мои соратники знают, как пробудить твою силу, — предоставь всё им.

— Где Такая?! Я хочу его видеть! Пусть сам скажет!

«Рассчитываю на вас», — Удзимаса кивнул Кодзиро и вышел из комнаты, пока охранники удерживали вырывающегося Юзуру.

— Отведите меня к Такае! Я хочу его видеть!

— Успокойтесь, — сказал Кодзиро, и Юзуру бросил на него яростный взгляд. Кодзиро оставался невозмутим. — Всё равно вам отсюда не сбежать. Сидите тихо, а то хуже будет.

Юзуру закусил губу. Неопределённость злила его как никогда в жизни. До сих пор он был твёрдо уверен, что Такая ни при каких обстоятельствах его не подставит. Теперь же он нервничал непонятно почему.

«Я верю, что ты не дашь Кагэторе себя сожрать! Даже если ты станешь им, ты никогда так со мной не поступишь!» — Юзуру всё сильнее впивался зубами в губу и твердил себе, что всё это ложь.

«Скажи мне, что это ложь, Такая!..»

* * *

Расставшись с Удзимасой, Тояма Ясухидэ вызвал машину и поехал в отель, расположенный в Кинугаве¹⁵.

Удзимаса предлагал ему комнату в своём особняке, но Тояма решительно отказался, мотивировав это тем, что не смеет ночевать под одной крышей с господином. Его пристанищем на сегодняшнюю ночь должна была стать гостиница, где останавливались все слуги.

Машина затормозила перед входом. Поблагодарив водителя, Тояма вышел и направился напрямик к стойке администратора.

— Тояма-сама, — раздался голос сзади. Он принадлежал подчинённому по имени Сахэй, в прошлом банори¹⁶, занимавшему сейчас тело молодой женщины. — С возвращением. Как дела у господина Удзитэру в Хаконэ, здоров ли он?

— Здоров. И упрям, как всегда.

Сахэй посмотрел на него в замешательстве.

— Что-то случилось? На вас лица нет...

Тояма и вправду выглядел измождённым. Возможно, сказывалось напряжение, неизбежное при встречах с господином, но, скорее всего, дело было в чём-то другом.

— Тояма-сама, — в голосе подчинённого чувствовалось искреннее беспокойство, — а с господином Сабуро вы...

Яростный взгляд, которым наградил его Тояма, заставил Сахэя испуганно замолчать.

— Не твоё дело. Лучше пойдёшь собери всех: я собираюсь пить сегодня. Чтоб через пять минут было готово!

— С-слушаюсь... — Сахэй озадаченно смотрел, как Тояма (и какая муха его укусила?) удаляется размашистым шагом по застеклённому коридору, ведущему в новый корпус, а потом запоздало крикнул вдогонку: — Если вы устали, давайте я подам ужин в комнату!

— Не надо! Просто позови, когда будет готово. И поживее!

Тут взгляд Тоямы скользнул по стеклу перегородки, и мужчину передёрнуло. Он затряс головой, потом снова уставился на стекло.

— Тояма-сама?..

Что бы там ни было, оно ему, кажется, почудилось. Тояма прижал руку к груди, выдохнул и снова зашагал по коридору, уже не так размашисто, как прежде. Он то и дело оглядывался по сторонам, как будто чего-то боялся.

Не обращая внимания на оклики Сахэя, Тояма ушёл к себе.

¹⁵ Кинугава — местечко к северо-востоку от Никко, знаменитое своими горячими источниками.

¹⁶ Банори — человек, чьим делом был уход за лошадьми и их тренировка.

* * *

Войдя в номер, он торопливо запер дверь, повесил цепочку и только тогда перевёл дух.

«Да что же за напасть?..»

Со вчерашней ночи его преследовало чувство, будто за ним наблюдают. Он постоянно ощущал на себе чей-то взгляд, и это действовало ему на нервы.

«Просто мерещится — устал, вот и всё», — сказал он себе, усаживаясь в кресло. Ведь никаких признаков слезки нет. Тояма плеснул в стакан ледяной воды из графина и залпом выпил.

«С кем не бывает...»

Непривычно снова оказаться в человеческом теле, впервые за многие годы. Нужно расслабиться, отдохнуть, и неприятное чувство пройдёт.

«А господин Сабуро здесь совершенно ни при чём...»

Ни при чём — и точка. Четыре века прошло, наверняка он давно забыл о поступке одного слуги. К тому же сейчас он вообще без чувств: спит себе спокойно, ни о чём не ведая...

«Мне нечего опасаться».

Так говорил себе Тояма Ясухидэ, а перед его внутренним взором вставали картины прошлого.

Отец Тоямы, Ясумицу, имел при Ходзэ чин бугё и, служа дипломатом, непосредственно участвовал в переговорах с Уэсуги, когда устраивался союз между землями Сагами и Этиго; в том, что эти переговоры прошли успешно, была и его заслуга. Позже Ясумицу последовал за Кагэторой, став его единственной опорой на чужбине. Потом союз расторгли, Кагэтора остался в Этиго, среди враждебно настроенных вассалов Уэсуги, — если бы не любовь к нему Кэнсина и не поддержка со стороны Ясумицу, он вряд ли удержался бы там.

Ясумицу погиб при Отатэ, от рук воинов Кагэкацу. Он оставался с Кагэторой до конца и сыну своему наказал: *«Защищай господина Сабуро до последней капли крови!»*

«Достойный был человек...»

Последние слова отца запали в душу Ясухидэ, и каждый раз, вспоминая их, он мучился виной перед павшим геройской смертью родителем и перед Сабуро Кагэторой, своим господином.

«Но всё это дело прошлое...»

Тояма встал и пошёл в ванную. Открыл кран, умылся, яростно плеская в лицо водой, потянулся за полотенцем.

«Господина Сабуро принесут в жертву Дереву Хаконэ...»

Тояма вытерся, глядясь в зеркало над раковиной.

«Волноваться не о чем. Я никогда его больше не увижу».

Зачем бояться? Никто не узнает. Никто ни о чём не догадается. Он повторил это про себя несколько раз, завинтил кран и вдруг услышал:

«Ясухидэ...»

Тояма вздрогнул, испуганно завертел головой, но никого за своей спиной не обнаружил. Тогда голос раздался снова:

«Ясухидэ...»

Он машинально обернулся к зеркалу и на этот раз едва не закричал.

В зеркале отражался человек, которого в комнате не было. Тояма лишился дара речи. Беспомощно хватая ртом воздух, он попятился к стене, опрокидывая предметы.

— Не может... этого...

Его прежний господин, Сабуро Кагэтора, каким он был четыреста лет назад, смотрел из зеркала.

— Давно не виделись, Тояма Ясухидэ.

— Господин... Сабуро...

На лице Тоямы застыла маска ужаса. Кагэтора глядел спокойно и сурово.

Тояма завопил и, спотыкаясь, выскочил из ванной — только чтобы наткнуться на отражение Кагэторы в большом зеркале на стене комнаты. Он снова отпрянул, заметил на тумбочке ручное зеркало... Кагэтора был и там, невозможно взирая на него.

— Мне всегда хотелось встретить тебя ещё разок, поговорить...

— Я... я...

— Спросить, далеко ли тебе удалось уйти после того, как ты бросил меня в замке Самэгао?..

— О чём вы изволите...

— Не притворяйся. Я давно знаю. — (Тояма затаил дыхание.) — Что ты сговорился с предателем Хоризэ и позволил врагам отрезать нам отступление через горы. А потом ты исчез из замка, и никто тебя больше не видел.

— Умоляю, простите! — воскликнул Тояма, падая на колени перед большим зеркалом. — Простите!.. Я всего лишь...

— Ты всего лишь ценил свою жизнь выше, чем жизнь сюзерена. — Кагэтора прищурился. — О, я всё понимаю. Сюзерен проиграл войну на чужой земле — зачем хранить ему верность? Жизнь дороже. Это был правильный выбор — вовремя бросить проигравшего и сбежать, спасая свою шкуру. Ты очень умён в отличие от твоего отца, который, как последний дурак, сражался до смерти ради меня...

Сердце Тоямы налилось свинцом.

— Господин Сабуро... я нижайше... молю о прощении...

— Какое прощение? Я хвалю тебя! За то, что жизнь предпочёл смерти, за то, как умело и хитро бросил хозяина, за трусость, равной которой не сыскать среди всех вассалов Ходзэ... — Кагэтора вызывающе усмехнулся. — Как жаль, что после всего этого ты даже не дошёл до Одавара, попал под разбойничий нож в горах Синано. Ужасная несправедливость. Неудивительно, что твой дух не отправился в мир иной.

Каждое слово Кагэторы било в цель, будто он видел собеседника насквозь. Тояма, не находя, что сказать в своё оправдание, дрожал от унижения и страха.

— Умоляю... на коленях умоляю, пощадите...

— Ты знаешь, каково это, когда тебя предают?

Улыбка на лице Кагэторы сменилась ненавистью.

— Ты виноват передо мной. Расплачивайся.

Тояма, стуча зубами, уставился в зеркало. Взгляд Кагэторы, пронзительный и горящий, пригвоздил его к полу.

— Ты решил, что можешь спокойно жить под крылышком у моего брата и строить планы о покорении страны? Ты ошибся. Я не забыл и не забуду твоего преступления.

— Простите!.. Простите!..

— Не прощу. — Кагэтора был неумолим. — Ты совершил тяжкий грех, ты предал меня, и никакие годы этого не изменят. Я имею право делать с тобой что захочу.

— Господин Сабуро...

— Предатель должен быть наказан. Час расплаты настал.

Презрительно глядя на Тояму, который от страха обмочился, Кагэтора улыбнулся — странной, многозначительной улыбкой, которая сделала его почти прекрасным. Его присутствие было таким ощутимым — казалось, даже воздух в комнате потяжелел.

— И ты заплатишь мне, Тояма, — с издёвкой прошептал он. — Ты сделаешь всё, что я скажу.

— Господин Сабуро...

— Плати.

Угрызения совести, мучившие Тояму, окончательно переросли в страх. И всё же его передёрнуло, когда он услышал, что нужно сделать.

— Неужели вы требуете от меня?..

«Украсть Зеркало Самца», — таков был полученный приказ.

ГЛАВА 14. КАЗНЯЩИЙ МУЧЕНИК

Прошли почти сутки, с тех пор как Наоэ отправился в Хаконэ, но от него по-прежнему не было никаких вестей. Под вечер на озеро Тюдзэндзико, в рёкан Асаока, приехал Чиаки на своём

«леопарде».

— Нагахидэ! — удивлённо воскликнула Аяко, увидев его в вестибюле. — Что ты здесь делаешь? Ты же должен был искать Юзуру!

— Искал — и оказался в Никко. А ты что делаешь? До тебя невозможно было дозвониться.

— Я уезжала ловить цуцугу... Но каким образом поиски Юзуру привели тебя сюда?

— Сам толком не понимаю, — сказал Чиаки, усаживаясь в кресло. — Я просто следовал за сигналом. Нарита сейчас здесь, определённо.

— В Никко?! Не может быть. А где конкретно? Пошли за ним, скорее!..

— Вот где конкретно — я не знаю. На въезде в город стало слишком много помех — похоже, кто-то создаёт их специально. Потом энергия в горах Никко такая плотная, что мне с моим чутьём здесь ничего не светит. Попробуй ты, если хочешь. — И он протянул Аяко конго-рэй.

— Нет, у меня здесь тоже не получится. Выходит, Юзуру держат в зоне действия священной энергии Никко — это должно быть недалеко.

— Возможно, тут есть барьер, заглушающий волны, потому что до Имайти¹⁷ всё было прекрасно слышно. — Чиаки утомлённо откинулся на спинку кресла. — Ладно, дальше буду крутиться на своих двоих. У тебя-то что?..

— Ну... как сказать...

Аяко, конечно, тоже не сидела без дела. Она весь день бегала по окрестностям, пытаясь поймать хоть одну цуцугу, — но безуспешно. Тем временем количество жертв росло, в госпиталь то и дело привозили новых больных в состоянии комы; ползли слухи, всё больше и больше пугающие людей.

Отчаявшись, Аяко вернулась в рёкан, где встретила с Катакурой, который пришёл ненамного раньше. Они посоветовались, и Катакура предложил такой способ: ловить на живца.

— На живца? — переспросил Чиаки. — Как это?..

— Подсунуть цуцуге то, что она любит, — говорят, так сделал Тэнкай когда-то в Эдо.

— И что же любит цуцуга?

— Души хищников — например, тигров или пантер. Катакура-сан хочет провести ритуал призвания, собрать души хищных зверей в одном месте и там устроить засаду.

— Думаешь, сработает?

— Не знаю, но он обещал попробовать. В его распоряжении ресурсы клана Датэ.

— Ясенько. — Чиаки вздохнул и уставился в потолок. Он не спал со вчерашнего дня, усталость давала о себе знать. — Ну, а от Кагэторы больше ничего не слышно?

Из последнего телефонного разговора он уже знал о сеансе связи через зеркало.

— Нет, — нахмурилась Аяко.

— По крайней мере теперь нам точно известно, что за похищением Зеркала Цуцуги стоят Ходзэ и Фума. ...Тояма ещё не приходил?

— Нет, но Кагэтора сказал, что придёт обязательно. Наверное, он собирается явиться ему в зеркале и убедить...

— «Убедить»? — Чиаки скривился. — Я бы назвал это шантажом. Запугать предателя, заставить рассказать, где Зеркало, — поступок в стиле Кагэторы. Он наконец-то сбросил маску. Чтобы жертва играла на чувстве вины своего обидчика, вынуждая его делать то, что ей, жертве, нужно, — человек с нормальной психикой на такое не способен. Может, он там, в Зазеркалье, окончательно стал самим собой?

— Не знаю... Но ты прав, мальчик Такая бы этого не смог. — Аяко в задумчивости приложила палец к губам. — И всё же кто бы мог подумать, что Тояма Ясухидэ тоже задержится в нашем мире...

Разумеется, и Харуиэ, и Нагахидэ хорошо знали его — особенно Харуиэ, который, будучи при заключении союза заложником со стороны Уэсуги, тесно общался с дипломатами (позже, во время смуты, Харуиэ убили одним из первых как раз из-за этих связей). Теперь Аяко негодовала на Ясухидэ, — союзника, оказавшегося в итоге предателем, — больше, чем сам пострадавший от предательства Кагэтора.

¹⁷ Имайти — деревушка на подъездах к Никко.

— Проживи я чуть дольше — ничему бы этому не бывать. Каков подлец, наплевал на долг и бросился поскорее уносить ноги! Не стыдно ему было перед отцом и погибшими товарищами?! Из-за таких вот «вассалов» Кагэтора и проиграл. А теперь поглядите на него: возрождается и продолжает служить Ходзэ как ни в чём не бывало! Я бы на месте Кагэторы со свету его сжила.

— Ужасно, ужасно, — без энтузиазма отозвался Чиаки, которого всё это мало касалось. Аяко, словно осенённая внезапной мыслью, сердито уставилась на него.

— Как я могла забыть, ты же из лагеря Кагэкацу — конечно, тебе не понять! Господи, и с кем только приходится работать?

— Хотя... лично я считаю, что для Кагэторы это давно уже в прошлом.

— Не в прошлом! Наверняка ему до сих пор обидно!

— Только ты так думаешь — сама небось злопамятная как чёрт?

— Что ты сказал?!

— Он ни на кого не держит зла, — повторил Чиаки, становясь серьёзным, и Аяко опустила занесённый кулак. — Этот паршивец, — продолжал Чиаки с усмешкой, — мог бы стать хорошим актёром. Лис в тигриной шкуре — вот кто он такой. — (Аяко непонимающе выгнула бровь.) — Когда он берётся за дело всерьёз, временами даже непонятно, говорит он от чистого сердца или притворяется. «Я жертва, а потому могу делать с тобой всё, что захочу...» — вот что написано у него на лице. Он находит слабую точку и давит на неё до тех пор, пока у человека ум за разум заходить не начнёт. Он играет роль, но лишь отчасти, меньше чем наполовину. О да, тому, с кем он играет, он должен казаться дьяволом. Спротивляться ему в этом процессе невозможно.

— Как-то ты уж слишком...

— Он очень расчётливое животное. Мастер неосознанной манипуляции. Ему неведомы муки совести. — Чиаки оскалился и подытожил: — Такому, как он, ни в чём не хочется уступать.

Аяко задумчиво смотрела, как в глазах Чиаки разгорается сопернический азарт. Для него Кагэтора давно перестал быть «господином», сделавшись просто человеком, равным... С этой позиции многие вещи были лучше видны.

— Но какого чёрта он явился всем, кроме меня?

— М-м... Чтобы не терять зря времени?

— Ах да, он же так занят, прыгая из одного зеркала в другое. Если сил девать некуда, искал бы Нариту сам.

— Точно! — воскликнула вдруг Аяко. — Пусть Кагэтора его ищет!

— Это каким же образом?

— Да через зеркало! Он мог бы найти зеркало, в котором отражается Юзуру-кун.

— Действительно! — Чиаки хлопнул в ладоши, но, подумав, добавил: — Только как ты скажешь об этом Кагэторе? Ты уже научилась его вызывать?

— Э-э...

Аяко соображала, что ответить, когда сзади — неожиданно, как всегда, — раздался голос Косаки:

— Приехал за Наритой, Ясуда Нагахидэ?

— Опять ты...

— Говорят, Кагэтора связался с Какизаки и подтвердил, что за всей чередой происшествий стоят Ходзэ?.. Кагэтора-доно в своём репертуаре: даже невыигрышные условия обращает себе на пользу. В самом деле, у него теперь, считай, миллион глаз. Может, ему лучше остаться в Зеркале навсегда?

— Наоэ уехал — тебе теперь издеваться не над кем? Успокойся, с нами эти фокусы не пройдут. Что Такэда позабыли в здешних краях? И куда вы подевали Сингэна после того, как мы вышвырнули его из Мацумото?

— Мой господин жив, здоров и бодр как никогда, но сейчас тебе и мне следует думать не о нём, а о Нарите, который в Никко. Интересно, к чему здесь готовится Датэ Кодзиро?..

— Что?..

— Как я понял, твоя энерголокация больше не работает. К счастью, мои слуги гораздо умнее бесполезных якш, они отыщут Нариту в два счёта.

— Эй, не ставь меня на одну доску с воронами.

Косака презрительно усмехнулся.

— Какой-то клан — судя по всему, Ходзэ, — устроил здесь неподалёку штаб-квартиру. Хорошо бы пленника увезли не туда.

— Погоди... Ты хочешь сказать, что Датэ Кодзиро заодно с Ходзэ?!

— Кто знает, — неопределённо ответил Косака и зашагал к лестнице. — Но если так оно и есть, вы совершили ужасный, непростительный промах. Начинать думать, что вы скажете Кагэторе-доно в своё оправдание. Или лучше сразу готовьтесь вскрыть себе живот.

Не забыв съязвить напоследок, Косака поднялся на второй этаж. Аяко и Чиаки только проводили его глазами: возразить им на этот раз было нечего.

* * *

«Тояма-сама исчез!»

Вот какая новость взбудоражила людей Ходзэ в кинугавском отеле.

Исчезновение первым заметил Сахэй. Поведение Тоямы показалось ему странным уже тогда, когда в ответ на приглашение к ужину он получил резкое «Не надо!». Это встревожило слугу, и полчаса спустя он снова заглянул в комнату... Комната оказалась пуста.

Тояма, человек ответственный, обычно предупреждал своих подчинённых о том, что куда-то идёт. Сейчас же он не сказал ни слова и дверь оставил нараспашку, да и внутри всё было перевернуто вверх дном. Сахэй спустился в вестибюль.

— Как ушёл! — рассердился он, выслушав объяснения девушки-администратора.

Та испуганно ответила:

— Я вызвала для него такси.

— Когда это было?

— Около часа назад. Он казался немного взволнованным...

По лицу девушки было понятно, что «немного» — не то слово. О цели поездки Тояма ничего не сказал, но в службе такси должны были знать пункт назначения. Сахэй, положив обе руки на конторку, подался вперёд:

— Пожалуйста, позвоните им и спросите!

Тояма съёжился на заднем сиденье вызванного автомобиля, который двигался по указанному Кагэторой адресу, и мелко дрожал.

«Выходит, господин Сабуро всё знал!..»

О его предательстве... О его возрождении под началом Ходзэ...

Каждое слово, сказанное гостем из зеркала, было как нож Ясухидэ в сердце. Чем больше Кагэтора напоминал ему о прошлом, тем сильнее становились муки совести, — под конец Тояме хотелось провалиться сквозь землю.

А ведь четыреста лет назад, в одиночку спасаясь бегством из замка Самэгао, он не испытывал подобных чувств; раскаяние в содеянном накатило лишь сейчас, когда его жизни ничто не угрожало.

«Но что я мог поделать, что?! Смерть была так близко, а я не хотел умирать...»

Он изо всех сил пытался оправдаться перед самим собой, но теперь, когда погибший по его вине Кагэтора лично предъявил ему счёт, все оправдания лишились смысла.

«*Не прощу...*»

«Ненавижу и не успокоюсь, пока не отправлю тебя в ад...» — вот что говорил его пылающий гневом взгляд.

От страха у Тоямы скрутило живот. Бывший господин, верно, не оставит его в покое, пока не расквитается за всё с лихвой. Его ждёт мучительная смерть, стоит только попасться Кагэторе в руки...

«Ну почему, почему он не отправился на тот свет?..»

Тояма горько проклинал судьбу.

«Почему он просто не умер?!»

В отчаянии вскинув глаза, Тояма случайно скользнул взглядом по водительскому зеркалу

— и вздрогнул: Кагэтора смотрел на него в упор. Проглотив крик, Тояма схватился за голову:

— Нет-нет! Я ничего такого не думал!..

— С вами всё в порядке? — удивлённо спросил водитель.

— Не думал, не думал!.. Простите!..

Таксист неприязненно покосился на него и мысленно покрутил пальцем у виска. Тояма больше не смел поднять глаз.

«Бежать некуда...»

Остаток пути он провёл, забившись в угол.

Такси остановилось перед парадным входом рёкана Асаока. Тояма выскочил из машины как ошпаренный, в его лице не было ни кровинки.

Водитель развернулся и уехал. Воцарившуюся тишину нарушало мерное дыхание озера, на другом берегу которого, в темноте, виднелся едва различимый силуэт горы Нантай.

— Ох.

Ноги у Тоямы подкосились, и он уселся прямо на асфальт. Через некоторое время дверь открылась, и на пороге гостиницы показались Аяко с Чиаки, прибежавшие на шум мотора.

— Эй!..

Тояма поднял голову.

— Это ты — Тояма Ясухидэ?

Аяко сердито смотрела на него сверху вниз.

— Вас ли я вижу перед собой, Какизаки-доно?..

— Меня, кого же ещё, зараза ты этакая. Явился — не запылится. И не стыдно тебе смотреть мне в глаза после всего, что ты сделал? Бросил господина в последнюю минуту, сбежал, спасая свою жизнь... Подлец и трус! Тряпка вонючая, а не воин!

Тояма втянул голову в плечи, а Чиаки примирительно сказал:

— Ладно, полегче, он и так уже как кролик перед удавом. Здорóво, приятель, давно не виделись.

Тояма перевёл взгляд на Чиаки — но, кажется, не узнал.

— А старых товарищей забывать нехорошо... Ясуда, Ясуда Нагахидэ. Да не бойся, не съем я тебя! Мне уже давно плевать, кто там на чьей был стороне.

— Ясуда-доно...

— Значит, Кагэтора тебя прищучил... э-э... прислал тебя сюда, чтобы ты нам помог? — Чиаки весело сверкнул глазами. — То есть ты собираешься предать Ходзё?

— Как можно! — начал было Тояма, но запнулся, вспомнив ледяной взгляд Кагэторы. По спине сразу побежал холодок. — Да... да, — в конце концов выдавил он.

— Вот и славно. Тогда расскажи нам, пожалуйста, чего именно добиваются Ходзё... и правда ли, что Нариту Юзуру тоже похитили они.

Тояма вздрогнул.

— А потом ты отправишься к Ходзё шпионом. Выждешь момент, визнаешь у своего хозяина, где спрятано Зеркало Самца, и принесёшь его нам — ведь именно это приказал тебе Кагэтора?

Тояма бросил на Чиаки затравленный взгляд, в котором смешались досада и ужас.

— Не хочешь?.. Смотри, он ничего не забывает, достанет тебя даже в аду...

Чиаки сделал паузу, а потом потребовал:

— Выкладывай.

* * *

Из окна, забранного железной решёткой, доносился звук текущей воды. Нарита Юзуру, сидя на кровати в своей темнице, прислушивался к журчанию.

«Где я, чёрт возьми?..»

Он вздохнул и поднял взгляд к окну, в котором виднелся кусочек неба.

«Такая...»

В последний раз Юзуру видел своего друга в парке Тосима. Что с ним стало потом?..

«„Такая“ исчез, уступив место „Кагэтора“... Теперь он полностью и окончательно „Сабуру Кагэтора“ и именно в таком качестве присоединился к нам».

«Враньё ведь, да? — мысленно спрашивал Юзуру. — Я не верю, что ты меня забыл...»

Раньше он голову бы дал на отсечение, что друг никогда его не предаст. Сейчас он сомневался, и причиной тому были появившиеся в последнее время странности в поведении Такаи, которые сам Юзуру не мог не подмечать.

В нём как будто жило два разных человека. Один — хладнокровный, уверенный в себе гордец, подавлявший окружающих своими словами и поступками. Второй — неотёсанный, бесхитростный, неловкий парень, которого Юзуру хорошо знал. И эта неустойчивость, — когда первый превращался во второго в мгновение ока, с улыбкой на губах, — заставляла сердце Юзуру сжиматься от тревоги.

«Который из двоих настоящий ты?..»

Тревога рождала подозрения.

«Не говори, что это „Кагэтора“...»

Юзуру не хотел думать, что «Такая» — это наносное. Он хотел подтверждения тому, что всё сказанное Удзимасой — ложь.

«Хочу видеть тебя прямо сейчас, не важно, каким образом!»

Юзуру проглотил слёзы, рвущиеся наружу вместе с безмолвным желанием, и вдруг услышал, как кто-то зовёт его по имени.

— Что?.. — Он вскинул голову и огляделся по сторонам. — Кто?..

Юзуру встал, прошёлся по комнате. Голос никак не мог почудиться ему — и это, без сомнения, был голос Такаи.

— Такая, ты здесь? Отвечай!

Его окликнули снова, теперь из-за спины. Юзуру обернулся, чтобы обнаружить на стене, над искусственным камином, зеркало, а в зеркале — Такаю.

Юзуру ошарашенно попятился. Шутка ли — увидеть в зеркале того, кого в комнате нет? Но сколько бы он ни тёр глаза, отражение оставалось ясным и чётким, даже не думая исчезать.

— Такая! — в отчаянии воскликнул Юзуру. — Почему?..

Но его друг молчал.

— Откуда ты взялся, что произошло?! — запаниковал Юзуру. — Ты действительно в зеркале?.. Как ты туда попал, кто это с тобой сделал?! — (Такая поморщился.) — Ты правда внутри... и не можешь выйти? — Юзуру окончательно потерял голову. — Что же делать-то, а? Как мне отсюда выбраться, как попасть к тебе? Научи меня, Такая! Неужели Ходзё тебя...

— Что за шум?

Юзуру вздрогнул и отскочил от зеркала. У двери стоял Датэ Кодзиро.

— С кем это вы здесь разговаривали?

Юзуру молча подвинулся, стараясь встать так, чтобы закрыть зеркало спиной.

— Мы собираемся пробудить вашу силу и начнём прямо сейчас.

— Что?!

— Расслабьтесь, от вас ничего не требуется. Мы всё сделаем сами. ...Мори-доно!

В дверях, словно только и ждал, когда его позовут, появился человек, Юзуру хорошо знакомый.

— Хатаяма!..

— Давно не виделись, Нарита-сэмпай.

У вошедшего юноши были карие глаза и почти золотистые, тонкие как шёлк волосы. На алых губах блуждала странная, отгалкивающая улыбка. Хатаяма Сатоси, он же Мори Ранмару, был правой рукой Нобунаги и сильнейшим из его генералов — все силы Оды сейчас подчинялись ему.

— Что ты здесь делаешь?

— Вот так приветствие после долгой разлуки... В Сэндае вы устроили потрясающее шоу — такая приятная неожиданность была, честное слово. Когда я увидел, как два мёо беснуются в ночном небе по вашему велению... Ей-богу, сэмпай, я захотел прибрать вас к рукам ещё больше.

— Я тебе не сэмпай! — Юзуру яростно сверкнул глазами.

— Вы так скромны... Как бы то ни было, сейчас вы полностью в моей власти. Никто не помешает мне медленно, не спеша, докопаться до «ужасной силы», которую вы носите в себе.

— Да какая сила?! Ничего не понимаю...

— Понимать необязательно. Кроме этой силы, мне ничего от вас не нужно. Кодзиро-доно! Повинуясь кивку, Кодзиро быстро сгрёб отбивающегося Юзуру в охапку и зажал железной хваткой, что было весьма удивительно, учитывая его хрупкое телосложение.

— Смотрите мне в глаза. — Взяв Юзуру за подбородок, Ранмару поймал его сердитый взгляд и удержал. — Видите там колеблющееся пламя?

Что за чертовщина, подумал Юзуру, чувствуя, как у него мутится в голове. Взгляд Ранмару затягивал, словно воронка, на дне которой действительно горело яркое фиолетовое пламя.

— Слышите, — убаюкивающе прошептал Ранмару, — миллионы голосов, взывающих к вам?

Неясный шум на границе слуха... Песня? Заклинание? Шум приближался, превращаясь в раскатистый многоголосый речитатив: мантра — вот что это было.

Мир вокруг подёрнулся дымкой. По телу разлилась тёплая, дурманящая слабость, и Юзуру погрузился в полутранс.

— Да, — пробормотал Ранмару с улыбкой, — забудьте себя... и дайте мне вытащить на свет зло, которое дремлет внутри вас.

* * *

А в это самое время Удзимаса в своих апартаментах вдруг почувствовал присутствие постороннего.

— Кто здесь? — Оглядевшись по сторонам и никого не обнаружив, он решил, что показалось.

Удзимаса подошёл к шкафу, чтобы переодеться, открыл дверцу, на внутренней стороне которой крепилось большое, в человеческий рост, зеркало, — и замер с поднятой рукой.

В зеркале отражался Такая. Ничуть не удивлённый, Удзимаса спокойно осведомился:

— В чём дело, Сабуро?

Он сразу понял, кого видит перед собой в облике незнакомого юноши. Такая — нет, Сабуро Кагэтора — молча смотрел на него.

— Пришёл поздороваться с братом?

Лицо Такаи оставалось безучастным, холодный взгляд придавливал к земле. Но старшего из братьев Ходзё не так-то просто было взять на испуг. Они виделись впервые за четыре столетия, но Удзимаса, в отличие от Удзитэру, не поддавался эмоциям — вообще не проявил никаких чувств.

— Как урождённый Ходзё, ты обязан выполнить свой долг перед семьёй, — спокойно продолжал Удзимаса, — ведь ты же понимаешь, Сабуро? Это судьба. Ты как был Ходзё при жизни, так и остался им после смерти. Ты можешь называть себя Уэсуги, но никогда не станешь им до конца. Мы — твоя семья. Твоя кровь. Неужели ты отречёшься от нас? — (Такая молчал.) — Возлюбленный брат мой, я очень тебя ценю — так давай же поднимемся на вершину вместе! Выйдем победителями в давней битве, станем властителями всей страны — ты, я и отец... Соглашайся, Сабуро!

Вдруг что-то скрежетнуло, и по поверхности зеркала пробежала трещина. Удзимаса вытаращил глаза. К одной трещине прибавилась другая, потом третья... Наконец зеркало с оглушительным звуком раскололось, засыпав Удзимасу стеклянной крошкой.

— Чёрт!.. — Он быстро пригнулся. На шум в комнату вбежали слуги.

— Что случилось, тоно?!

Весь ковёр был в осколках, больших, маленьких и очень острых. Удзимаса, пытаясь выровнять дыхание, хмуро смотрел в разбитое зеркало.

— Тоно!.. — Перепуганные слуги окружили его со всех сторон. — Вы не ранены?!

— Нет. Всё в порядке.

Удзимаса вытер тыльной стороной ладони кровь из порезанной щеки.

«Будь ты проклят, Сабуро!»

ГЛАВА 15. ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ ГРЕХ

Ночь на озере Асиноко подходила к концу. Дождь перестал, гроза миновала — лишь ветер остался гулять над водой.

В тишине особняка Ходзё Наоэ по-прежнему сидел рядом с Такаей. Его сердце выгорело от чувств, но усталое лицо было спокойным.

Бледная кожа Такаи слегка светилась в темноте — возможно, под действием священной энергии. Чувствуя слабое биение жизни, Наоэ невесело усмехнулся мыслям, которые успели пронестись за это время в его голове. Холодная улыбка Кагэторы снова встала перед его внутренним взором.

«Тебе меня не одолеть».

«Таким образом ты загоняешь меня в ловушку. Презираешь, угнетаешь, унижаешь, только чтобы раздуть мою ненависть... Провоцируешь.

...Хотя на самом деле хочешь быть побеждённым».

«Ты заносчив и властолюбив, но в душе скрываешь грязные желания... Твоё истинное лицо — это лицо мазохиста...»

Наоэ прикрыл глаза, поджал губы, а потом бросил в пустоту:

— Я разрешаю вам меня ненавидеть.

«Ты сам меня довёл, ты виноват — вот и смирись с тем, что я сейчас сделаю... Потому что это не любовь. Это иллюзия, рождённая мутным разумом, уставшим от долгой жизни. Ведь, кроме тебя, мне больше не в кого было верить...»

Наоэ опустил голову.

«На том и закончим. Я люблю тебя — пусть это неправда, но мне так хочется это сказать... Я разрешаю меня ненавидеть».

* * *

— Послушай, Котаро, — сказал Удзитэру, стоя у окна и глядя на темнеющее в ночи озеро, — не пора ли уже признаться, где спрятано Зеркало Самца? Ты скрываешь это даже от нас, своих хозяев, а твой клан, между прочим, подчиняется моему...

— Прошу прощения, Удзитэру-доно, но беречь Зеркало — моя миссия. Каков самый надёжный способ сохранить что-либо в тайне? Свести к минимуму число посвящённых в неё. Нельзя рассказывать даже тем, кому доверяешь, ведь чем больше людей знает, тем выше опасность утечки информации, — как говорится, и у стен есть уши. Шпионы могут быть везде.

— Следовательно — «не скажу и господину»?.. Неудивительно, что синоби Фума так безупречны в своём деле. Сколько же людей знает среди твоих?

— Я один.

— Как?..

— Этого достаточно. Я-то точно не проговорюсь. Стопроцентная гарантия.

— Никому больше не веришь? Как это похоже на тебя...

— Именно, больше никому. Таков залог безупречности. Потом человеку вроде вас знать о местонахождении Зеркала вообще нельзя: ваша горячность легко может толкнуть вас на нарушение приказа господина Удзимасы.

— И... я отпущу Сабуро на волю, ты хочешь сказать?

— Я учитываю такую вероятность.

Удзитэру оскорбился:

— За кого ты меня принимаешь! Уж если ты так гордишься своей безупречностью, почему не разыскал отца раньше брата?!

Котаро усмехнулся в нос.

— Что смешного?

— Да так, ничего... А вдруг господин Удзиясу не хочет показываться своим сыновьям специально? Возможно, у него есть веские причины?

— Это уже слишком, Котаро! Как ты ведёшь себя со мной?

Тут раздался стук в дверь, а минутой позже в комнату вошёл Наоэ.

— Вот так-так... Чем обязан? — спросил Удзитэру.

Наоэ ответил:

— У меня к вам разговор.

Двое мужчин удивлённо переглянулись. В конце концов Удзитэру отправил Котаро за кофе, а сам пригласил Наоэ сесть.

— Ну, говори.

— Позвольте мне поучаствовать в обряде жертвоприношения господина Сабуро.

— Что?! — Удзитэру не поверил своим ушам.

— Вы же собираетесь поместить его душу в Дерево? Я хочу помочь в меру сил.

Удзитэру лишился дара речи и довольно долго не мог прийти в себя. Наконец он спросил, глядя Наоэ прямо в глаза:

— Означает ли это, что ты переходишь на сторону Ходзё?

— Можно и так сказать. Я сообщу вам любые сведения об Уэсуги. Моя изгоняющая сила — хоть в этом я и не чета господину Кагэторе — будет в вашем распоряжении. А ещё я единственный из Уэсуги умею делать перерождёнными других людей — я мог бы помочь вам и вашему брату переродиться.

— Ты серьёзно? — Удзитэру, разумеется, не спешил принимать сказанное за чистую монету. — По-моему, ты что-то замышляешь...

Наоэ вяло улыбнулся и помотал головой.

— Ты отрекаешься от Сабуро?..

— А что ещё остаётся? В одиночку я не в состоянии его спасти. К тому же мне без него будет лучше. Когда я с ним, мне сложно сохранять здравый рассудок. Давайте посадите его в Дерево — пусть он никого больше не видит, никого не любит и никем не будет любим.

— Он потеряет индивидуальность...

— Вот и замечательно. Отправляя сюзерена на смерть, я отсекаю себе путь к отступлению. Уэсуги никогда больше не примут меня, да и мне, оставшемуся без господина, не нужно будет его имя. Я решил пожить для себя, впервые за четыреста лет.

— И чего же ты для себя хочешь?

— Хочу стать вассалом Ходзё.

— Вассалом? — Удзитэру изумился до глубины души. — Я не ослышался?

— Обещаю сделать всё от меня зависящее, чтобы ваш клан победил в Усобице Духов, и, когда это случится, пожалуйста мне одну провинцию. Мне этого хватит.

Удзитэру смотрел на Наоэ во все глаза. Тот отвечал ему спокойным взглядом, в котором не чувствовалось притворства, — да и не под силу человеку настолько искусно притворяться.

— Что ж, возможно, для Сабуро так тоже будет лучше...

Прикрытые веки Наоэ чуть дрогнули, но от замечаний он воздержался.

— Ну, с чего мне прикажете начать? Пойти избавиться от кого-нибудь из ваших врагов-генералов? — Наоэ полез в нагрудный карман.

Увидев, что он оттуда вытащил, Удзитэру медленно подался вперёд.

— В чём дело?.. — удивился Наоэ, когда у него отобрали сигареты.

— Вот как, — Удзитэру повертел пачку в руках, — значит, Сабуро был прав...

Та же марка, что он видел тогда у Такаи... Это совпадение глубоко взволновало Удзитэру, но Наоэ, конечно, не мог понять причин его волнения.

— Позволь спросить тебя кое о чём... Касательно Сабуро...

— Спрашивайте.

— Почему он запечатал память?

Ответом было молчание. Тогда Удзитэру продолжил:

— Когда мы встретились, он был — не он, а... незрелый мальчик с хрупким сердцем. Почему Сабуро сам пожелал всё забыть?

— Наверное, я был ему настолько ненавистен. — Наоэ опустил взгляд. — Других причин придумать не могу.

— Сабуро говорил... что тешится иллюзией относительно твоей доброты...

— Иллюзией?..

— Он не понимает, почему ты добр к нему. Считает себя заменой.

Наоэ как-то странно изменился в лице.

— Он так сказал?

— Это наказание, не иначе... — пробормотал Удзитэру, откидываясь на спинку стула. — Некого винить, Сабуро сам расплачивается за бегство от прошлого, от которого никому не позволено прятаться...

У Наоэ кольнуло в груди. «Я, никто иной, довёл его до этого», — хотелось ему покаяться, но Удзитэру покачал головой:

— Уверен, он знал, на что идёт...

«Я — замена *Кагэторе*». Такая верил в то, что доброта Наоэ, его любовь — предназначены не ему, и изо всех сил старался держать дистанцию, заглушая голос своего тоскующего сердца, тянущегося к теплу. Пытаясь утвердиться в мысли, что Наоэ «защищает не его», он хотел оградить себя от надежд и разочарований.

«...*Не мнить о себе слишком много*».

«Такая-сан...»

Да, в этом весь он. Прежде чем позволить кому-то сделать себе больно, открыть глаза на горькую правду, он заранее готовится к худшему и делает себе больно сам. Приучает себя к этой боли, чтобы потом, когда истина острым лезвием вонзится в грудь, было полегче... Понадеешься — предадут. Поверишь, что обладаешь чем-то, — потом окажется, что ты держал в руках лишь дым, и некого будет винить в своих страданиях, кроме самого себя, а значит... прежде чем это случится... Но человек, слишком усердно пытающийся ложь отличить от правды, погрязает в сомнениях, перестаёт видеть даже те крохи искренности, что в действительности дарят ему. Такая понимает это и всё равно продолжает сомневаться. Кто вынудил его, кто не оставил ему выбора?

Погружённый в свои мысли, Наоэ прикусил губу и медленно покачал головой.

«Ты слишком слаб... Мне тебя жаль».

Раздался стук в дверь. Котаро вошёл в комнату и поставил на стол поднос со свежезаваренным кофе.

— Завтра посадим душу Сабуро в Дерево Стрелы, — сказал ему Удзитэру.

Наоэ вздрогнул, а Котаро спокойно уточнил:

— Уже завтра?

— Чем раньше, тем лучше.

Предводитель синоби повернулся к Наоэ:

— Ты не возражаешь, как я погляжу? Бросаешь господина на произвол судьбы? — И, не услышав ответа, добавил с непроницаемым видом: — В самом деле?

Наоэ наградил его тяжёлым взглядом, в котором смешались вызов и — настороженность по отношению к человеку, слишком непохожему на него. На лице Котаро, как обычно, не было и тени эмоций. Не стоит его недооценивать, подумал Наоэ. С Удзитэру — не важно, друг он или враг, — ещё можно найти общий язык, но не с этим роботом...

— Хотелось бы получить гарантии, — сказал Котаро, разливая кофе по чашкам.

— Гарантии чего?

— Серьёзности твоего намерения предать Уэсуги. Говорить можно что угодно... Вдруг ты просто усыпляешь нашу бдительность, чтобы потом похитить и Зеркало Цуцуги, и господина Сабуро?

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Дай подумать... — Котаро покосился на Удзитэру. — Как вам такой вариант, Удзитэру-доно? Если душа господина Сабуро отправится в Дерево, то тело перестанет быть нужно — вот пусть Наоэ-доно и избавится от него.

В глазах Удзитэру мелькнуло отчаяние, но он понимал, что разведчик прав. После слияния души с Деревом тело обречено на смерть, оттягивать этот момент не только глупо, но и небезопасно — всё равно что специально оставлять лазейку.

После минутного молчания Удзитэру повернулся к Наоэ и спросил сурово:

— Сможешь ли?

Тот обречённо закрыл глаза.

— Хотите, чтобы я убил тело?.. — Голос прозвучал бесцветно. — Хорошо, я сделаю это.

* * *

Ночной ветер приятно охлаждал кожу. По небу мчались рваные облака, в просветах между которыми иногда поблёскивали звёзды. Наоэ вышел из дома один; в большом саду вокруг особняка нашлась маленькая тропинка, которая привела его прямо к озеру.

Спустившись к берегу, Наоэ поднял с земли камешек, положил его на ладонь и мысленно приказал: «Вверх!»

Камешек не шелохнулся.

«Так я и думал...»

Воздействовать на предметы нельзя. Барьер, который этому мешает, скорее всего, сетчатый, коллективный: пространство внутри пронизано крошечными энергетическими сотами — они ловят любой импульс и сбрасывают его в землю через какую-нибудь ритуальную утварь вроде токко¹⁸.

«В любом случае внутри я бессилён...»

Знай он хотя бы протяжённость барьера, это могло бы помочь, но Наоэ не представлял себе даже его очертаний. К тому же синоби Фума не спускают с него глаз. Его не подпустят к Зеркалу.

«Значит, дождусь, пока вынесут».

За пределами барьера у него будет шанс. Изгоняющая сила даст ему преимущество перед синоби, которые — как бы хороши в своём деле они ни были — в конце концов, лишь мстительные духи.

Шанс будет, когда подойдёт время обряда. Ходзэ хотят поместить душу в Дерево Стрелы, — храмовое дерево святилища Хаконэ, — а значит, независимо от способа, к которому они прибегнут, они должны вынести Зеркало Цуцуги за пределы особняка.

«Но в Дерево его никто не посадит, я не допущу».

Он не собирался позволить Ходзэ использовать силу Кагэторы в своих целях.

Наоэ бросил взгляд на противоположный берег. Особым зрением он мог видеть яркое неровное зарево над святилищем Хаконэ: много духов в одном месте.

Возможно, это мертвецы клана Ходзэ... Здесь, как и в Никко, лес на храмовой территории постепенно превращался в лес душ, но к чему все эти приготовления?..

Наоэ вдруг вспомнил о Маико.

«Пожалуйста, спасите моего брата!»

Стоит разбить Зеркало, как сила цуцуги сойдёт на нет. Синья и другие жертвы освободятся, тайные замыслы Ходзэ пойдут прахом. Если зеркало не разбить — Синья очень скоро умрёт...

Косака тоже сделает свой ход, рано или поздно, чтобы уничтожить опасную для Такэда вещь. Не важно, где находится Зеркало Самца. Если разбить Зеркало Самки, цуцуга лишится источника жизни. Нужно достать хотя бы это Зеркало, в котором находится сейчас душа Кагэторы, — достать, а потом...

«Потом?..»

Цепочка мыслей прервалась. Продолжать дальше опасно, сказал себе Наоэ, но его бессердечное второе «я» отмахнулось от предостережений.

«Если разбить Зеркало, он больше не сможет выйти...»

Кагэтора останется там навсегда — не умирая и не рождаясь, не живя, но и не очищаясь. Наоэ не получит его, но и не лишится. Не познает радости обладания, но избежит от страха потерять. Кагэтора возненавидит его, но ничего не сможет, кроме как смотреть на своего обидчика из Зеркала убийственным взглядом. Так пройдут годы. Десятилетия, столетия...

¹⁸ Токко — то же, что токкосё. За пределами Японии известен как «ваджра». Короткий двусторонний жезл, ритуальное оружие.

«И я опять останусь один... Навеки брошенный, наедине с совестью...»

Наоэ цинично усмехнулся и поднял голову к небу. Вот же он, выход, прямо перед глазами, лучший выход, какой только можно пожелать, — так зачем сейчас строить из себя святую невинность?

Счастье других... Долг... Справедливость... Ради красивых слов он четыреста лет жертвовал собой и ни разу не пожаловался. Так, может, довольно? Или чаша страданий ещё не выпита до дна? А может, это цена бессмертия — когда грань безумия давно позади, а боль всё длится и длится?..

«Отпустите меня с миром, наконец...»

Наоэ сам не знал, к кому обращался. Сбросить с себя бесчисленные оковы и самому определить свою судьбу — неужели он не имеет на это права?

Путь, открывающийся перед ним сейчас, ведёт к исполнению желаний. По ту сторону Зеркала лежит волшебная страна, где мечты станут реальностью, где Кагэтора будет принадлежать ему и только ему... Стоит лишь посмотреться в Зеркало Цуцуги.

Цуцуга возьмёт его душу, они окажутся в Зазеркалье вдвоём, и всё, что нужно будет сделать потом, — это утопить Зеркало в озере.

«Мы... просто соскользнём в бесконечный сон. Никто не нарушит наш покой, никто не сможет к тебе прикоснуться. Ты будешь навеки мой — так, утолив свою жажду, я распрощаюсь с этим миром...»

Что мешает ему отбросить «правильность», которая сковывает хуже кандалов, простить и принять себя? За четыреста лет он не смог стать ни жестокосердным дьяволом, ни мудрецом в ореоле святости, ни зверем, слушающимся только своих желаний, — он как был, так и остался глупым, трусливым, совершенно обыкновенным мужчиной.

«...Твоё прощение мне не нужно. Ненависть не поможет тебе выйти из Зеркала, подняться со дна озера — ты обречён будешь жить со мной бок о бок. Проси, умолай — я ничего не смогу отыграть обратно. Ты окажешься в моём единоличном пользовании, хочешь ты того или нет...»

Наоэ уже видел свои болезненные мечты воплощёнными в реальность. Скоро, совсем скоро они будут смотреть один сон на двоих.

«Наоэ...»

Из глубин памяти вынырнул улыбающийся Такай. Наоэ грустно усмехнулся.

«Такая-сан... Я человек, поэтому не хочу твоей смерти. Но именно потому, что я человек, я и выбираю этот путь...»

Лицо Такай упорно маячило перед глазами, и Наоэ, не выдержав, до боли прикусил губу.

«Я не хочу твоей смерти...»

Как глупо. Откуда эти мысли, почему сейчас? Ведь с угрызениями совести, с сомнениями, с чувствами — покончено, должно быть покончено!

Два противоположных, одинаково сильных желания столкнулись в его душе.

«Не хочу тебя убивать. Хочу, очень хочу, чтобы ты был счастлив. Но если сделать тебя счастливым суждено не мне, я скорее всё разрушу...»

«Ты должен... жить».

И это говорит будущий убийца — смешно, просто смешно. Но оба желания идут от сердца, и сердце не способно разрешить парадокс...

Наоэ полез в карман пиджака и достал чётки, которые дал ему в детстве отец, когда он, юный Татибана Ёсиаки, резал себе вены. Вложив ему в руку цепочку бусин с крошечным ликом Дайнити посередине, отец сказал тогда: «Будда всегда с тобой».

С тех пор он не расставался с этими чётками. Они выручали его великое множество раз. Он черпал в них силу, которая, возможно, и удержала его в конечном итоге от самоубийства... Или это и была сила Будды?

«Если Будда всегда со мной...»

...то он обязательно...

Наоэ рванул чётки пополам, бусины посыпались на землю, смешиваясь с галькой, и только одна — центральная бусина с ликом Дайнити — осталась на ладони. Наоэ сжал пальцы.

Защитит ли Будда его?..

Маленькое, но острое желание. Непонятно откуда взявшееся у человека, который собирается отнять жизнь...

«Это бессмысленно, и всё же...» — Наоэ аккуратно спрятал бусину во внутренний карман. А потом он вдруг заметил на земле, прямо у своих ног, чью-то тень. Человек в белой рубашке, стоявший сзади, подошёл совершенно незаметно. Сколько он уже там стоит?

— Боишься, что я убегу? — холодно спросил Наоэ.

Фума Котаро сощурился:

— Я вышел проветриться, а не тебя сторожить. Кстати, почему ты здесь, а не с господином Сабуро?

— Мне не доставляет удовольствия смотреть в лицо господину, которого я предаю. Я не железный.

Котаро усмехнулся.

— Ты уже придумал, как его убьёшь? Завтра почти наступило.

Наоэ подобрал с земли бусину, швырнул в воду и сказал не оборачиваясь:

— У меня есть просьба.

— Какая?

— Когда всё будет позади, отдайте мне труп. В конце концов, у него была семья... Я хочу вернуть тело родственникам.

— Ты всерьёз считаешь на моё согласие? Я и мои люди не признаем тебя союзником до тех пор, пока ты не разорвёшь это тело на мелкие кусочки.

Наоэ гневно обернулся. Взгляд Котаро был холоден, как лезвие ножа.

— Неужели ты не хочешь спасти своего господина? Не хочешь даже попытаться? В таком случае — чем он был для тебя?..

Повисла пауза. Наоэ отвёл глаза. Ветер нежными пальцами прошёлся по его щекам.

«Незачем отвечать...»

Слушая шелест листьев над головой, Котаро смотрел на повернутое к нему в профиль лицо. Как долго они простояли так, в молчании? Вдруг что-то шевельнулось в траве, и предводитель синоби проворно обернулся.

— В чём дело?

Кажется, это был кто-то из его людей.

— Тояма-доно?..

Наоэ насторожился. Слов пришедшего он разобрать не мог.

— Ясно. — Котаро сделал шаг в сторону дома, но остановился, словно о чём-то вспомнив. — Как поступить с телом Сабуро-доно решать не мне, — бросил он через плечо. — А господин Удзитэру души не чаёт в своём брате, вряд ли он прикажет резать его труп на части. — И Котаро быстро зашагал по тропинке обратно.

— Тояма-доно просит встречи с вами по срочному делу, командир.

Услышав это, Котаро недоуменно нахмурился. Время близилось к рассвету. Тояма, только вчера уехавший в Никко, снова был здесь и желал видеть Котаро, причём втайне от Удзитэру.

— Говорит, секретный разговор... — Подчинённый назвал место.

— Что ещё за тайна, в которую нельзя посвящать Удзитэру-доно? — Котаро не мог понять, что происходит, и голос его прозвучал резко. Подчинённый замаялся, а потом сказал осторожно:

— Вроде бы послание от самого главы семейства...

— Что?! От господина Удзиясу?..

Поймав на себе цепкий взгляд командира, синоби не на шутку испугался, но уже в следующую секунду губы Котаро дёрнулись в улыбке.

— Вот как... Значит, он ждёт в Мото-Хаконэ? Сейчас же еду.

* * *

Тояма назначил встречу на парковке причала Идзу — Мото-Хаконэ — того, что ближе к святилищу. Обычно здесь всегда происходило какое-то движение: днём люди приезжали, чтобы сесть на туристический кораблик, вечером — чтобы погулять вдоль озера; но в этот предрас-

светный час парковка, конечно же, пустовала.

Котаро вышел из машины. Тояма сказал, что будет один ввиду чрезвычайной секретности его поручения, и просил предводителя синоби о том же; Котаро выполнил просьбу.

Подъезжая к месту, он видел удаляющееся в противоположном направлении такси и сделал вывод, что Тояма уже прибыл. И действительно, посланец стоял на бетонной набережной, у кромки воды.

— Извините, что заставил вас ждать, Тояма-доно.

Возможно, он просто нервничал, выполняя ответственное задание, но выглядел Тояма взъерошенным и каким-то злым.

— Извините, что вызвал среди ночи.

— Несомненно, у вас были на то веские причины. Как вы и настаивали, Удзитэру-доно ничего не знает о нашей встрече.

В облике Тоямы определённо произошли изменения за то короткое время, что Котаро его не видел. Вчера днём посланец был очень тщательно одет. Сейчас он куда-то подевал и пиджак, и галстук.

— Мне было велено сообщить вам без свидетелей... Это большая тайна... — Тояма наморщил лоб и суровым голосом сказал: — Котаро-доно, сейчас же возьмите Зеркало Самца, которое находится у вас на сохранении, и отправляйтесь со мной в Никко, к господину Удзиясу.

— Зеркало Самца?.. — непонимающе повторил Котаро. — К господину Удзиясу?..

— Ему нужно это Зеркало, немедленно. Вы должны доставить его, а я буду вас сопровождать.

— Интересно, к чему такая спешка? Почему именно сейчас?..

— В детали я не посвящён, дело вассалов — повиноваться. Несомненно, это часть большого плана по завоеванию Канто. Зеркало Цуцуги — наш козырь в борьбе за власть над страной, инструмент для объединения генералов, символ будущей победы... Ему должно быть в руках победителя.

Не похоже было, чтобы громкие слова хоть как-то подействовали на прагматичного Котаро... На него подействовало имя Удзиясу.

— Я думаю, — добавил Тояма, — что с сегодняшнего дня вы будете служить господину Удзиясу лично...

— Это правда его приказ?

— Истинная правда.

Котаро окинул посланца испытующим взглядом. Тояма затаил дыхание и пошире распахнул глаза, пытаясь выглядеть как можно более устрашающе. Его сердце бешено колотилось.

Наконец Котаро отвернулся и посмотрел вдаль, в сторону Кодзири¹⁹.

— Следуйте за мной, — проговорил он, подставив лицо ветру. — Возьмём Зеркало Самца, а потом отправимся к господину Удзиясу.

ГЛАВА 16. ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЛА

Под сводами леса щебетали птицы. Стояло утро, свежее приятное утро, можно было бы сказать, если бы дело было не в Никко: погода здесь часто оставляла желать лучшего. Висящий в воздухе туман (сказывалась близость к высокогорью Кирифури²⁰) затруднял видимость. Остановившись на обочине грунтовой дороги, Чиаки вышел из машины и принялся разглядывать в бинокль стоявший поодаль особняк.

— Действительно ли Нарита здесь, хотел бы я знать. Чёрт, в этом доме слишком много комнат...

— Но дом — тот, что нам нужен, — отозвался с переднего сиденья Катакура Кодзюро,

¹⁹ Кодзири — причал на северной оконечности озера Асиноко.

²⁰ Кирифури — буквально «обитель туманов».

сверившись со схемой здания. — Если Тояма-доно сказал правду...

— Если он соврал, я его прибью.

По словам Тоямы, Юзуру держали в этом особняке. Услышав, что Датэ-младший тоже здесь, Катакура вызвался сопровождать Чиаки в его поисках.

— Выходит, Датэ Кодзиро и правда заодно с Ходзё... Хочет посадить Нариту в храмовое Дерево святилища Футарасан, Дерево поджечь вместе с душами и спалить весь лес в окрестных горах. Мало ему быть похитителем, он собирается стать поджигателем.

— Ходзё, стало быть, серьёзны в своём намерении захватить Никко. — Катакура обвёл взглядом буковую рощу по обеим сторонам дороги. — Эта земля с незапамятных времён была пристанищем высших сил. Господин Иэясу потому и выбрал её местом своего упокоения, что знал: здесь достаточно энергии, чтобы охранить будущее сёгуната Токугава. А сжигание есть способ сплавить энергию разной природы воедино. Воспользовавшись душами как катализатором и устроив в горах Никко пожар, Ходзё смогут силу священных деревьев объединить с силой посаженных в них душ, а также с силой земли, в которую деревья уходят корнями. Реакция между этими тремя элементами даст небывало мощный энергетический выброс.

— Никко — земля победителя, захватить её означает превзойти победителя. Логика ясна, но вообще-то для духов-генералов здесь нейтральная территория... которую Ходзё хотят сделать трамплином для завоевания страны. Туристы будут недовольны. — Отпустив легкомысленное замечание, Чиаки снова повернулся в сторону дома. — В любом случае для начала нужно попасть внутрь. Дом богатенький — может, у них там в саду доberman?

— Барьер точно есть. Никто не войдёт незамеченным.

— Ха! Сэкономили на охранной системе. Знать бы только, в какой комнате...

— Ясуда-доно! — вдруг окликнул его Катакура возбуждённым голосом. — Взгляните в зеркало!

— Что?..

В водительском зеркале отражался Такая. Увидеть отражение человека, здесь отсутствующего, было неожиданно, но Чиаки не растерялся. «Вот, значит, как это выглядит», — только и подумал он, растягивая губы в улыбке.

— Соизволил наконец показаться и мне? Не слишком-то ты торопился, Кагэтора.

Ответа не последовало. Вместо этого изображение сменилось: Такая исчез и в зеркале появилась другая, очень смутная картинка.

— Ясуда-доно, смотрите!

Расплывчатые очертания белых стен. Аккуратная комната. В углу кровать, а на ней...

— Нарита?..

Это действительно был Юзуру. Рядом с кроватью, спиной к наблюдателям, стояли двое подростков примерно одного с ним возраста — будь изображение более чётким, их, возможно, и можно было бы опознать, тем более что один казался смутно знакомым.

— А, я понял... Кагэтора предлагает нам использовать зеркало как монитор.

— Стало быть, это происходит внутри особняка?..

— Думаю, он передаёт изображение с одного из зеркал. Хочет таким образом нам помочь.

В салоне машины к зеркалу заднего вида крепилось сверху зеркало с широким обзором — Чиаки снял его и протянул Катакуре.

— План с отвлекающим манёвром: я пробью барьер и похулиганю там немножко, а ты тем временем зайдёшь сзади, отыщешь нужную комнату и выведешь Нариту. Если что, Кагэтора покажет, куда идти.

— Понял.

— Начинаем через тридцать минут. Давай, вперёд!

И они побежали — Чиаки напрямик к парадному входу, а Катакура — в сторону реки.

Особняк был окружён белой решётчатой оградой около двух метров в высоту. Вдоль неё и проходила граница барьера, опорные точки которого, похоже, лежали в земле — обычно ими служили кристаллы или священные камни, закопанные на равном расстоянии друг от друга.

«Лень выкапывать их по отдельности...»

Присев на корточки, Чиаки достал из поясной сумки маленькую деревянную статуэтку и два ринпо²¹.

«Для такого хлипкого барьера больше ничего и не нужно».

Заготовленный коппасин вызывал Райдзина, бога грома и молнии. Сама статуэтка при этом раскалывалась, поэтому использовать её можно было только один раз, но Райдзин того стоил: его разрушительная сила была не в пример выше, чем у других небожителей. Для вызова использовалась мантра Тайсякутэна — верховного над Райдзином божества.

Чиаки полил оба ринпо ритуальным маслом и поджёг.

— *Он асанмагини ун хатта... Он асанмагини ун хатта...*

Под звуки мантры Алмазного Огня пламя взметнулось ввысь, сменив цвет на фиолетовый. Чиаки пропел мантру Колесницы: «*Он торо торо ун!*» — и запустил горящие кольца внутрь барьера. Легко преодолев границу, они покатались прямо к дому, наращивая скорость и оставляя за собой яркий след.

Чиаки переключил внимание на коппасин. Пространство заполнили звуки мантры Тайсякутэна: «*Наумаку санманда боданан индорая совака... Наумаку санманда боданан индорая совака...*» Когда статуэтка занялась голубоватым огнём, Чиаки быстро схватил её и подбросил вверх: «*Наумаку санманда боданан индорая совака!..*»

Его указательный палец размашисто прочертил в воздухе знак «И». Воздух содрогнулся, и над лесом выросла огромная фигура.

Воинственный клич Райдзина был подобен раскату грома. Деревья зашатались, земля заходила ходуном. Грозно сверкнув глазами, небожитель выпустил изо рта ослепительную молнию, которая вонзилась прямо в бегущие по земле кольца.

Полыхнуло. За яркой вспышкой последовал толчок, как от большого взрыва, и энергетическая ткань барьера расползлась на куски, растаявшие в воздухе, как дым.

— Готово!

Дождавшись, когда уляжется ветер, Чиаки сломал решётку силой мысли и двинулся вглубь особняка.

— Что происходит?!

Шум на улице и последовавший за этим толчок подняли на ноги весь дом. Удзимаса в своей комнате вскочил с кровати. Минуту спустя дверь распахнулась и вбежал слуга:

— Кто-то разбил барьер снаружи и напал на особняк!

— Кто?!

— Неизвестно!

— Немедленно восстановить защиту! Найти нарушителей!

Пока он отдавал приказ, скелеты в доспехах уже выбегали из дома, чтобы отразить внезапное нападение. Поджидавший снаружи Чиаки, увидев это воинство, с довольным видом облизнулся.

— Храбрые ребята... Кто хочет первым отправиться на тот свет — давай, налетай!

Он сложил пальцы в знак и быстро заговорил:

— *Ари нари тонари анаро наби кунаби...*

Скелеты выхватили мечи из ножен.

— БАЙ!

— Докладываю! — выпалил слуга, влетев в комнату Удзимасы. — Враг всего один, но наши воины ничего не могут с ним сделать!

— Почему?!

— Они не могут даже приблизиться, исчезают один за другим! Враг читает какое-то

²¹ Ринпо — за пределами Японии известен как «дхармачакра». Ритуальный предмет в форме колеса. Его символическое значение в практике миккё — разбивание преград.

странное заклинание и уничтожает их, даже не прикасаясь!

— Что?.. Неужели это...

«...кто-то из якш Уэсуги?..»

Удзимаса побледнел и бросил напряжённый взгляд за окно. Над лесом поднималась странная дымка. Он был наслышан об изгоняющей силе и о том, как она работает. Несомненно, для Уэсуги взорвать барьер при помощи Райдзина не составило бы труда. В таком случае сейчас он попусту теряет солдат.

— Тоно! Здесь опасно! Вам следует отойти в укрытие!

— Прикажи воинам отступить, с Уэсуги они не справятся. Вместо этого выпусти цуцуг.

— Цуцуг?..

— Да, всех что есть. Враг — перерождённый. Голодные цуцуги с радостью слопают его.

— Будет сделано!

* * *

Шум донёсся и до цокольных помещений.

— Ранмару-доно! — Датэ Кодзиро мерил комнату шагами, не находя себе места от волнения. — Что там происходит?

Ранмару оставался спокоен. Даже когда распался внешний барьер, он лишь вскинул глаза и как ни в чём не бывало продолжил ритуал.

— Наверное, вражеское вторжение... Не волнуйтесь, нам это не помешает. Держите барьер вокруг комнаты, и всё.

— Однако...

— Если вы будете отвлекаться, барьер ослабеет.

Пристыженный Кодзиро кое-как взял себя в руки и сосредоточился на энергетической защите.

Занавески на окне были задёрнуты, свет — выключен. Комнату освещало лишь дрожащее пламя свечей по углам кровати. Ароматическая лампа у изголовья разливала вокруг резкий запах. На полу стоял маленький алтарь, перед которым и сидел Ранмару, читавший низким голосом мантру:

— *Наубоу аратаннау тораяя наумаку ария барокитэй дзинбарая боудзисатобая мака-сатобая...*

Юзуру лежал с приоткрытыми глазами, но его взгляд был полностью расфокусирован.

— *Он майтарэй майтарэй майтара манаусэн майтара санбанбэй майтаро добанбэй макасанмая совака...*

Кодзиро наблюдал за происходящим, нервно поёживаясь. Его лицо посерело от усталости: обряд длился уже шесть часов кряду. Ранмару, напротив, выглядел бодро, как и в начале, заставляя Кодзиро недоумевать, откуда в таком хрупком теле столько нечеловеческих сил.

«Неужели он действительно сможет пробудить способности этого юноши?..»

Вспомнив яростную битву мёо и демонических лисиц в небе над Сэндаем, Кодзиро сглотнул. А потом перед его мысленным взором встал образ брата, храброго Масамунэ, каким он видел его тогда издалека.

«Брат мой...»

Кодзиро прикусил губу. В следующую секунду в коридоре раздался топот ног, выведший его из оцепенения.

— Датэ-доно! — В дверь отчаянно заколотили. — Датэ-доно!

— Не входить! Говори оттуда.

— Враг ворвался на территорию особняка, всем приказано отступить!

— Что?.. Кто это?

— Он владеет изгоняющей силой, других объяснений нет! Кто-то из якш Уэсуги!

«Уэсуги?..»

Кодзиро обернулся к Ранмару — тот продолжал читать мантру, ни на что не обращая внимания.

«Наверное, пришёл за Наритой Юзуру».

Кодзиро нахмурился и бросил через дверь:

— Мы не можем никуда идти! Задержите его во что бы то ни стало!

* * *

В особняке царил паника. Внезапная атака Райдзина и вторжение перерождённого Уэсуги напугали всех настолько, что никто не заметил Катакуру, пробравшегося внутрь, как только пал барьер. Отвлекающий манёвр удался.

«Где же та комната?..»

Прижавшись к стене, Катакура понаблюдал за домом, а потом перевёл взгляд на зеркало в своей руке.

Отражение уже успело смениться: теперь зеркало показывало зал с большими окнами, лестничным колодцем и выходом на террасу. Рядом с винтовой лестницей, ведущей на второй этаж, стояла белая мраморная статуя.

«Это подсказка».

Катакура сорвался с места. Особняк имел форму разомкнутого каре с несколькими пристройками. Согласно схеме, полученной от Тоямы, лестничные колодцы были в двух местах: в холле парадного вестибюля и в восточном крыле, примыкающем к ущелью.

Вокруг носились люди, удивительно много людей. Попадались даже женщины и дети — все вассалы Ходзё, наверное. Никто из них, впрочем, не обращал внимания на Катакуру. Он не вызывал подозрений среди всеобщей суматохи.

В какой-то момент Катакура обнаружил, что вокруг больше никого нет. Он находился в дальнем конце восточного коридора, и прямо перед ним виднелся знакомый зал.

«Здесь».

Через окна, в самом деле большие, лился свет. Внимание Катакуры привлекло висящее на стене зеркало — прикинув угол, он сделал вывод, что изображение передавалось именно с него. Но в зале не было ни одной двери.

«Где же комната?..»

Занервничав, Катакура снова огляделся по сторонам и на этот раз увидел в настенном зеркале отражение Кагэторы.

— Уэсуги-доно, куда теперь?..

Кагэтора молчал. Вглядываясь в его лицо, Катакура заметил сбоку неровность — продолговатый изъём на поверхности зеркала. Присмотревшись, он понял, что это след, оставленный частыми прикосновениями пальцев.

Осенённый догадкой, Катакура приложил руку к стеклу. От нажатия ничего не произошло, но стоило толкнуть в бок — и зеркало поддалось.

«Вот оно!»

Катакура надавил сильнее, и вскоре перед ним открылся тёмный проём с уходящей вниз лестницей.

«Это здесь».

Место, где держат Нариту Юзуру, нашлось. Не колеблясь ни секунды, Катакура начал спускаться по ступеням.

* * *

— Что вы как мухи сонные, деритесь серьёзно! — крикнул Чиаки недовольно.

Он расправился с очередной волной нападавших, даже не запыхавшись, и теперь ждал следующей, от нетерпения притопывая ногой. Но Ходзё не спешили поддаваться на провокации.

— Испугались, мелкота? Ну, тогда я сам. — Чиаки подался было вперёд, как вдруг что-то шевельнулось у него за спиной и ветки кустов качнулись, как от ветра, хотя никакого ветра не было.

«Что это?»

Чиаки насторожился. Трава пугающе шелестела, предупреждая о приближении опасности. В воздухе разлилась отрицательная энергия, сгущаясь с каждой секундой.

«Оно уже здесь».

Чиаки поплевал на ладони и встал наизготовку.

— Выходи.

Словно в ответ на его слова, заросли разошлись и неведомая опасность приняла вполне определённые очертания. Красные звери с львиными гривами — не один, а несколько. Чиаки вытаращил глаза. Вызывающая улыбка на его губах увяла, лицо слегка напряглось.

— Ходзё решили открыть цирк?..

Цуцуги подступали ближе, глухо рыча. Чиаки начал накапливать в теле энергию, готовясь к серьёзной схватке.

— Ладно, поработаю дрессировщиком.

Звери оскалились и напали одновременно.

— Получай!..

Силовой импульс настиг нескольких цуцуг в полёте — отброшенные назад, они с воем покатались по земле. Но остальные добрались до цели.

Когти оцарапали бок. Чиаки еле успел увернуться. Он снова ударил силой, но этого было недостаточно, чтобы отогнать голодных цуцуг. Словно смеясь над ним, звери продолжали подниматься и нападать.

— А!..

Удар в спину швырнул Чиаки на землю. Сразу же две или три особи кинулись к нему, поблёскивая золотистыми глазами.

«Посмотришь цуцуге в глаза — потеряешь душу».

«Чёрт!..»

Крепко зажмурившись, Чиаки снова отбросил цуцуг в кусты, но они оправились прежде, чем он смог перевести дыхание, и лавиной покатались на него, целясь прямо в горло.

«Так это никогда не кончится!..»

Чтобы переломить ситуацию, одной силы мысли недостаточно, а изгоняющая сила не действует на волшебных зверей. Как же быть?..

Чиаки перекатился, уворачиваясь от острых когтей, и, схватив одну цуцугу за лапу, швырнул об дерево. Остальные подобрались ближе. Тяжело дыша, Чиаки прислонился спиной к стволу и снова собрался с силами. Он старался не смотреть красногривым чудовищам в глаза, но золотой блеск словно притягивал его.

«Что делать?..»

Пытаясь унять бешеное сердцебиение, он приложил руку к груди и вдруг нащупал что-то твёрдое в кармане куртки. Это был компасин с Синим Конго — он совсем про него забыл...

«Синий Конго отгоняет злых тварей!..»

Может сработать. Чиаки выхватил компасин из кармана в тот самый момент, когда цуцуги оттолкнулись от земли.

— *Он дэйбаякися манда манда какакака совака!*

Подбросив статуэтку, он быстро начертил в воздухе знак «Ун» и осыпал нападающих зверей энергетическими ударами. Синекожий божок, явившийся на свет по его команде, сгрёб несколько цуцуг в охапку; раздался визг. Но остатки стаи успели тем временем обойти неожиданное препятствие.

— Чёрта с два я дам каким-то шавкам себя съесть!

* * *

Когда потайные ступени закончились, перед Катакурой протянулся длинный коридор. Подвального этажа не было на схеме — наверное, Тояма о нём не знал. По бокам коридора виднелось несколько дверей, а в самом его конце стояли группой пять или шесть мужчин, должно быть стражники. Следовательно, дверь, которую они охраняли, вела в...

— Эй! Ты кто таков?!

Больше мужчина ничего сказать не успел, потому что Катакура атаковал силой. Тело стражника рухнуло на пол, остальные обернулись — и тут же свалились от удара в грудь. Им даже не удалось поднять тревогу.

«Я на месте».

Встав перед дверью, Катакура попытался особым зрением увидеть то, что происходит за ней, но натолкнулся на мощный барьер. Заглянуть внутрь не представлялось возможным.

«Интересно, господин Кодзиро тоже там?»

Катакура собрался с духом и постучал:

— Нарита-доно! Вы слышите меня? Нарита-доно!

По другую сторону двери Кодзиро встрепнулся: «Кто это?..»

— Кодзиро-сама! Вы там? Это я, Катакура Кагэцуна! Катакура Кодзюро!

— Катакура Кодзюро?..

Кодзиро пришёл в смятение. Он не мог поверить своим ушам. Ранмару, судя по его виду, не замечал ничего вокруг, полностью сосредоточившись на ритуале.

— Кодзиро-сама! Ответьте мне! Кодзиро-сама!

— А...

Кодзиро нерешительно поднялся и, то и дело оглядываясь на Ранмару, подошёл к двери. Кодзюро, правая рука его брата... Этого человека не может здесь быть, не должно быть! И всё же...

— Я пришёл за вами! Кодзиро-сама!

— Кодзюро, — прислонившись лицом к холодной поверхности, заговорил он, — это действительно ты?

Услышав ответ, вассал Датэ припал к двери всем телом.

— Кодзиро-сама! Я пришёл за вами, пожалуйста, откройте. Вернёмтесь вместе в Сэндай, тоно так вас ждёт!..

— Ждёт?.. — В голосе младшего Датэ появилась настойчивость. — Это правда? Брат в самом деле ждёт меня?

— Не извольте сомневаться! Он постоянно думает о вас, с того самого дня, как вы возродились и присоединились к Могами... нет, с того дня в прошлой жизни, как он убил вас собственной рукой!..

Кодзиро вспомнил последние мгновения своей жизни. Его судьба была предрешена с той минуты, как мать, Хосюньин, подсыпала старшему брату яда. Скорбное лицо Масамунэ, занёсшего над ним меч, встало перед глазами Кодзиро. Боль от смертельной раны он уже позабыл, но это лицо, исполненное невыразимого страдания, и по сей день мучило его.

«Пойдите к брату и объяснитесь сами, — сказал ему когда-то Наоэ. — Пусть он узнает о ваших чувствах из ваших собственных уст. Ведь вы давно хотите это сделать...»

— Тоно всегда тяготился содеянным и очень страдал. Он больше, чем кто бы то ни был, тревожится о вашей судьбе. Вернёмтесь в Сэндай, Кодзиро-сама!

Чувства к брату переполнили сердце Кодзиро. Масамунэ всегда был добр...

Хотелось встретиться. Встретиться, чтобы теперь сражаться бок о бок с ним — Одноглазым Драконом, «героем, опоздавшим родиться». С ним и ради него.

— Тоно наконец-то воспрянул духом! Он намерен бороться и на этот раз стать-таки властителем страны! Пожалуйста, Кодзиро-сама! Будьте с ним!

— Кодзюро... Я...

И тут случилось странное: воздух всколыхнулся, стены задрожали, пол поплыл из-под ног.

— Что... А!..

Пространство заполнил неприятный нарастающий звон. Разделённые дверью Катакура и Кодзиро зажали уши, но это не помогло: звон был не звуком, а мысленной волной, проникающей прямо в душу и выворачивающей её наизнанку. Оба Датэ скорчились от почти физической боли.

«Что происходит?..»

Кодзиро сделал над собой усилие и обернулся. Юзуру уже не лежал, а сидел на кровати, но у него был совершенно чужой взгляд. Под полуопущенными веками юноши горел недобрый огонь, и плотная золотая аура окутывала его тело.

Ранмару находился на расстоянии вытянутой руки от источника мощнейших волн. Внезапный всплеск, очевидно, застал врасплох и его, но он не потерял самообладания. Стоя на коленях, со стиснутыми зубами выдерживая яростный напор, Ранмару, не отрываясь, смотрел на Юзуру.

— Отлично... Превосходно... Теперь, Нарита Юзуру, излей эту силу на якшу за порогом!

Юзуру распахнул глаза, — сейчас они были какого-то невероятного золотого цвета, — а в следующую секунду пространство изогнулось и сгусток энергии, пройдя сквозь стену, вылетел наружу.

Первой жертвой стал Синий Конго, которого энергетический шар разнёс на куски. Чиаки почудилось, что над головой у него взорвалась бомба.

— Что...

Затем импульс сменил направление. Не сбавляя силы, шар понёсся на Чиаки и окружавших его цуцуг. Звери попадали на землю, корчась в судорогах, а Чиаки зажал уши руками.

«Какого...» — он даже не смог додумать до конца. Волна ворвалась в его душу, словно ураган, сминающий и переворачивающий всё на своём пути. Чиаки ничего подобного в своей жизни не испытывал. Всё смешалось в его голове. Мысли перестали складываться в слова, сознание помутилось, личность начала теряться в потоке незнакомых страшных вибраций...

Но он всегда отличался выносливостью. С отчаянием загнанного в угол Чиаки потянулся к силе. Он накапливал её, накапливал, а затем зачерпнул столько, сколько смог, — и выпустил с криком: «А-а-а-а!..»

Стены особняка дрогнули. Взгляды Удзимасы и его вассалов, тоже измученных волной, обратились к окну.

— Теперь-то что?..

— Тоно! Смотрите!

В той стороне, где цуцуги должны были сойтись с врагом, в земле образовалась воронка, вырванные с корнем деревья лежали вокруг и надо всем этим поднимался дым.

Послужил ли тому причиной ответный удар Чиаки — неизвестно, но энергетический шторм утих. Юзуру как ни в чём не бывало сидел на кровати в подземной комнате, никаких чувств не отражалось на его лице. Катакура и Кодзиро были без сознания. Только Ранмару, привалившись к стене и тяжело дыша, улыбался.

— Невероятная сила... Этого я и ожидал...

По краям воронки валялись истерзанные тела цуцуг. Под упавшим деревом без движения лежал Чиаки. Маленькие разряды пронизывали золотистую ауру сидящего в комнате юноши подобно отзвукам затихающей грозы, а во лбу его горел странный знак, похожий на санскритский символ.

Дремлющая внутри Юзуру «угроза шести мирам» готова была облечься в форму.

ГЛАВА 17. ДВЕРЬ В ВОЛШЕБНУЮ СТРАНУ

В Хаконэ, на озере Асиноко, наступило утро — спокойное, словно и не было накануне никакой грозы.

— Что ж, пора начинать... — сказал младший брат Ходзё Удзимасы, Удзитэру, глядя из окна на синюю озёрную гладь. Сидевший в кресле Наоэ медленно поднял глаза от военной схемы Ходзё, которую до этого внимательно изучал, и спросил:

— Каковы будут ваши для меня поручения?

— Станешь моим помощником. Поговорив с тобой, я понял, что ты способный стратег и хороший советчик. Будь всегда поблизости и высказывай своё мнение, как ты только что это делал.

— Зачем вам моё мнение? — улыбнулся Наоэ. — Когда Великий Треугольник Канто работает, все генералы будут вынуждены склониться перед Ходзё, без всяких прочих уловок...

Мощнейшая энергия из Никко, со святой земли победителя, пройдет через священную гору Фудзи и соединится на постоянной основе с энергией Хаконэ, в результате чего родится сила, которая поставит на колени генералов не только Канто, но и всей страны.

Наоэ снова посмотрел на карту, где гигантский прямоугольный треугольник соединял Никко и Хаконэ с Татэямой и горой Куно.

— Что тогда станет с Японией, интересно? Вы уничтожите современную политико-экономическую систему и вернётесь к эпохе Эдо?

— А ты тот ещё циник...

— Я бы давно загнулся, если бы не был циником. — Наоэ свернул карту. — Мне хочется посмотреть, как страна, созданная потом и кровью миллиардов, триллионов людей, пережившая столько испытаний, погибнет в одночасье, разрушенная духами покрытого четырёхсотлетней пылью прошлого. Как мировая держава, покорившая планету не силой оружия, но неведомой вашим современникам силой экономики, и готовящаяся повести за собой весь остальной мир, рассыплется в прах из-за страстей тех, кто давно отжил своё. Очень волнующая перспектива, я просто сгораю от нетерпения...

— Мы... вовсе не хотим разрушить государство.

— Но именно это в итоге и произойдёт. Что вы вообще понимаете под «вершиной», к которой стремитесь? Высшую власть в стране? Она никак не может оказаться в руках одного человека. Есть, конечно, премьер-министр, средоточие всеобщего внимания, но, чтобы стать им, нужно быть членом правящей партии, победить в борьбе коалиций... а для начала — попасть в парламент. Почему бы вам не выдвинуть свою кандидатуру? Насколько я знаю, нет такого закона, который запрещал бы четырёхсотлетним гражданам участвовать в выборах.

Удзитэру подошёл к Наоэ, схватил его за подбородок и заставил смотреть себе в глаза.

— Хватит ёрничать. Перед тобой сейчас стоит важная задача.

— Убить тело вашего брата? — заносчиво сказал Наоэ. — Не волнуйтесь, я этого и хочу. Мне это выгодно. Я не могу избавиться от плотского желания, потому что есть плоть — тело, к которому хочется прикоснуться, в которое хочется войти. Если бы желание не на что было направлять, никто бы и не мучился... Потом бесчестье от собственного цепного пса будет слишком сильным ударом по его самолюбию — ещё наложит на себя руки. Я милостиво убью его прежде, чем это случится.

Удзитэру, не сводивший с Наоэ пристального взгляда, побледнел. Наоэ прикрыл глаза рукой; его плечи затряслись от смеха.

— Хотя псы-то как раз не предают хозяев...

Удзитэру молчал, не в силах разглядеть истинную природу чувств этого человека, занимающегося самобичеванием. Его решимость отречься от господина не вызвала сомнений, но что творилось у него в душе? Нет, Удзитэру не думал, что Наоэ что-то замышляет. Его сокровенное желание, его правда, его истина — вот что ускользало от понимания.

«Он способный. Его можно использовать. Я не прогадаю, если возьму его на службу, но... Он опасен».

Так подумал Удзитэру при виде холодной, как лезвие ножа, улыбки откинувшегося на спинку кресла мужчины и его опущенных глаз.

— Наоэ... Ты не убедил меня до конца. Я должен увидеть, как ты совершаешь предательство, только тогда я поверю в твою искренность. Докажи, что будешь мне верен.

Стерев с лица всякое выражение, Наоэ поднял голову. В его взгляде не осталось даже горечи.

— Как прикажете.

Выйдя вместе с Наоэ из комнаты, Удзитэру спросил стоявшего неподалёку слугу:

— Я не вижу Котаро... Что-то случилось?

— Котаро-доно сказал, что отправляется в святилище Хаконэ первым. Он уехал рано утром. Наоэ за спиной Удзитэру насторожился, вспомнив услышанное ранее.

«Что? Тояма?»

Очевидно, речь шла о семействе Тояма из Одавара. Память подсказала, что некто по

имени Тояма Ясумицу приехал вместе с Кагэторой в Этиго.

— Мы тоже сейчас поедem в святилище, подгони машину.

— Слушаюсь.

Отдав распоряжение, Удзитэру повёл Наоэ в комнату, где лежал Такая. Сердце, запретившее себе чувствовать, дрожало под тяжестью преступления, которое предстояло совершить. Наоэ был сейчас смертником на пути к эшафоту. Он наказывал себя за свои четырёхсотлетние прегрешения самым страшным из возможных грехов — убийством любимого человека.

Кто-то скажет, что так нельзя, и обрушит на него праведный гнев — пускай. Что могут понять люди, прожившие на свете всего несколько десятков лет?.. Пускай обвинители негодуют, пускай сильные кичатся своей добродетелью и топчут слабых, которые и так стоят на коленях. Те, кто заполонил мир красивыми словами, — пускай отправляют на казнь не умеющих лгать.

«Меня же будешь судить ты, которого я убиваю...»

Интересно, о чём думает идущий впереди Удзитэру — тот, кому несколько минут спустя предстоит привести в действие приговор?

Наоэ достал из кармана бусину от чёток и положил в рот.

«Пожалуйста, защити его».

Последняя просьба того, кто отбросил себя, — глупая, тщетная... Разве может она быть услышана? Последний лицемерный поступок злодея, уже поставившего на себе крест. Как вообще назвать человека, который, зайдя так далеко, без зазрения совести возносит подобные молитвы?..

«Защити его... Охрани его... Он наверняка умрёт, но... — Наоэ молился Будде, словно заклинал. — Пожалуйста...»

Остановившись на пороге, Удзитэру обернулся и сказал:

— Я буду смотреть отсюда. Помни, что для тебя это — церемония вступления в ряды Ходзё.

Наоэ вошёл в комнату, где лучи нежного утреннего солнца, проникая сквозь окно, освещали фигуру Такаи в белом кимоно. Казалось, он просто спит, настолько спокойным было его лицо.

Наоэ опустился рядом на колени. Такая, охраняемый заклЯтием Продления Жизни, в утреннем свете выглядел особенно невинным. Наверняка под действием чистой божественной силы он может продержаться так годы, десятки лет...

«Я хочу, чтобы ты продержался».

Наоэ позвал его по имени, всего один раз — вдруг он откроет глаза?

Убить его очень просто. Нужно лишь дотронуться нечистой рукой до чистого тела — тогда заклЯтие рассеется и пламя жизни, чудом не потухшее в момент выхода души, угаснет само собой. Какая смерть может быть легче и милосерднее этой?

Непорочное тело, к которому Наоэ так отчаянно хотел прикоснуться, будет наконец запачкано его грешной и жаждущей рукой. Гордый Такая, не вынеся надругательства, поспешит в ту же секунду расстаться с жизнью. Что же убьёт его? Да всё она, грязная, возвращенная на крови похоть.

Всему придёт конец, стоит только дотронуться пальцем, — ах, как издеваются небеса. Смерть от осквернения... «Если это судьба, то тебе придётся с ней смириться. Ты — цвет белый: благородный, неповторимый, отталкивающий всякую грязь. Тебе лучше исчезнуть, нежели жить запятанным, — так ты обретёшь бессмертие».

«Кроме тебя, у меня нет другой святыни...»

Такая спал. Наоэ склонился над ним, упёршись обеими руками в подушку. Если закрыть глаза и прислушаться, можно различить биение сердца — пульс, который ему предстояло остановить... Наоэ сжал кулаки.

«Ты правда сможешь это сделать?»

«Такая-сан... Не стоило настолько мне доверять. Лучше бы ты и дальше оставался никому не верящим одиночкой. Я отбросил все сомнения, так почему же сейчас, в последний, решающий миг, мне не даёт покоя твоё улыбающееся лицо?.. Не стоило раскрывать мне своё чересчур хрупкое сердце. Надеюсь, ты в полной мере осознал свою ошибку».

«Если меня не станет, тебе будет легче?»

«Что ты чувствовал, когда произносил эти слова? Я был эгоистом и делал вид, что не замечая твоего участия. Я отстранённо наблюдал, как Оги Такая страдает из-за меня, и даже радовался, считая это справедливым воздаянием... Ты должен был понять, что я из себя представляю».

В последний раз взглядевшись в спокойное лицо Такаи, Наоэ закрыл глаза, запечатлевая в памяти его улыбку.

«Не спрашивай почему: я сам не знаю ответа. Не прощай. Умри беспомощным, ненавидь, презирай, жалея меня как самого низкого человека на свете... И запомни навсегда... Такой безумец, как я, недостоин того, чтобы ты облегчал его участь. Ведь я больше не чувствую себя виноватым... Поэтому... О небо, защити этого чистого человека... Защити от зла, которое причинит ему сумасшедший, спаси его и сохрани».

Наоэ поднял дрожащую руку, запустил её в ворот кимоно лежащего перед ним юноши, зажмурился и, шепча про себя молитву, прикоснулся пальцами к груди.

В ту же секунду температура тела начала стремительно падать. Чистая энергия, окутывавшая его, стала рассеиваться. Наоэ скользнул рукой вверх, взял Такаю за подбородок, раздвинул пальцем его мертвеющие губы и накрыл их своими.

«Такая-сан!..»

Язык проник внутрь, перекладывая бусину из-за щеки в рот Такае. Рука, скользя по коже, снова переместилась вниз и легла на сердце, чтобы лучше чувствовать неумолимо слабеющий пульс.

Биение затихало. Всё тише... тише... В самом конце, когда Наоэ ничего уже не улавливал, из-под сомкнутых век Такаи, в чьём теле давно не было души, выступила одинокая слеза. Сверкнув на ресницах, она скатилась по белой щеке и упала на подушку.

Сколько времени прошло? Наоэ в конце концов отстранился от Такаи. Тогда к ним подошёл Удзитэру, присел рядом с телом, приложил пальцы к сонной артерии. Затем пощупал пульс на руке и, убедившись в том, что смерть наступила, повернулся к Наоэ. Тот словно окаменел.

— Наоэ...

Снова переведя взгляд на — теперь уже — труп, Удзитэру болезненно нахмурился и поджал губы. Наоэ не шевелился и не сводил с Такаи немигающих глаз.

* * *

«Возьмём Зеркало Самца и отправимся к господину Удзиясу. Следуйте за мной», — сказал Фума Котаро и повёл Тояму по дороге вдоль озера. Пока они так шагали в неизвестном направлении, солнце полностью взошло. Тояма, конечно, немного нервничал, но всё говорило о том, что его словам поверили.

«Где он его прячет?..»

Одураченный вождь Фума покажет дорогу к месту, где хранится Зеркало. Даже Удзимасе с Удзитэру не всегда повинующийся, он беспрекословно выполняет волю Удзиясу. У синоби не бывает двух хозяев — это распространяется на всех, даже на господских детей. Потому что жизнь всего одна и её можно отдать лишь одному-единственному человеку...

«А где господин Удзиясу — никто так до сих пор и не знает».

Наверняка он давно отправился на небеса и поиски с самого начала не имели смысла...

Тояма украдкой поводил вокруг рукой с зажатым в ней зеркальцем.

«Господин Сабуро...»

Теперь Кагэтора будет знать, где он находится. Через него об этом узнает Какизаки Харуиэ, ждущий в Одаваре. Хаконэ — территория Фума. Для них эта земля, которую за высокие горы и глубокие ущелья прозвали самым непроходимым местом в Японии, была всё равно что двор родного дома. Они изучили здесь каждый уголок, повсюду расставили ловушки. Если поднимется переполох — можно никогда и не выбраться...

«Так что пусть Котаро-доно возьмёт Зеркало и сам выйдет за пределы Хаконэ».

Тогда он лишится преимущества. Харуиэ устроит засаду и отнимет у него Зеркало Самца.

Тояма глядел в спину шагающему впереди Котаро и храбрился. Ведь каким бы искусным синоби ни был вождь Фума, он вряд ли сможет пользоваться своими навыками с прежней лёгкостью, находясь в чужом теле...

«В самом крайнем случае...»

Тояма пощупал спрятанный под одеждой пистолет. Человек, тело которого занимал Удзимаса, имел в своём подчинении криминальную группировку. Удзимаса отобрал у якудз пистолеты и раздал своим слугам, для самозащиты.

«Я могу пустить его в ход».

— Тояма-доно.

От внезапного оклика Тояма подскочил: ему почудилось, что его разоблачили.

— Д-да?..

Синоби, остановившись, оглянулся через плечо, его длинные волосы качнулись в такт движению.

— Слышали ли вы легенду озера Асиноко?

— Легенду?..

— Давным-давно, — начал Котаро, глядя на сверкающую за деревьями озёрную гладь, — на озере Асиноко жил дракон о девяти головах. Был он большой вредитель: нагонял облака, устраивал бури и изводил деревенских жителей потопами. Чтобы утихомирить чудовище, ему каждый год приносили человеческие жертвы, пока однажды проходивший мимо Манган-дзёнин²², услышав о такой напасти, не вызвался помочь. Святой человек поставил алтарь, помолился буддам и небожителям и при содействии божества Хаконэ победил девятиглавого змея. Дракон раскаялся в своих злодеяниях и стал покровителем озера Асиноко.

Эти легендарные события легли в основу знаменитого местного фестиваля — праздника Озера. Во время большой процессии в воду кидали рис с бобами — отголосок обычной жертвоприношений. Самому драконьему богу поклонялись в маленьком святилище Кудзюрю²³, филиале святилища Хаконэ.

— Манган-дзёнин вдохнул новую жизнь в святилище Хаконэ. И именно от него, — Котаро посмотрел на своего спутника с улыбкой, — ведут свой род синоби Фума.

— Не может быть!.. — воскликнул Тояма. — Этот великий святой — ваш предок?!

— Именно так. Нас, Фума, никто не любит, но в наших жилах течёт могучая кровь... — Котаро помолчал. — Поэтому не стоит нас недооценивать.

С этими словами предводитель синоби вновь зашагал вперёд, а Тояма несколько секунд не мог сдвинуться с места. Потом он стряхнул с себя оцепенение и поспешил следом.

Они шагали по восточному берегу озера, вдоль подножия горы Комагатакэ, в сторону Кодзири. Когда дошли до парка Хаконэ-эн, утренний туман рассеялся и над синими водами показался силуэт горы Фудзи.

— Далеко ли ещё? — спросил Тояма.

— Уже нет.

За парком асфальтовая дорога кончилась, тропинка нырнула в рощу, а ещё через некоторое время на глаза стали снова попадаться коттеджи. Миякодзима-но-хана — вот как называлось это место.

Котаро привёл Тояму к святилищу Кудзюрю — того самого дракона из легенды. Небольшое храмовое здание смотрело фасадом на озеро, где в воде у берега стояли ярко-красные ворота-тории, поскромнее, чем в святилище Хаконэ. Вокруг всё утопало в зелени, воздух был прозрачен и чист, тишину не нарушало ничто, кроме пения птиц. Отсюда озеро Асиноко казалось таким красивым и спокойным, что, появившись из него в самом деле дракон, никто бы не удивился.

— Котаро-доно... Неужели Зеркало Самца хранится здесь?..

Синоби кивнул:

²² Манган-дзёнин — буддистский монах эпохи Хэйан. Его имя означает «тысяча сутр», по количеству прочитанного. В 757 г. по приказу императора отправился в Хаконэ, чтобы лучше организовать существовавший там религиозный культ.

²³ Досл. «девятиглавый дракон».

— Я принесу его, подождите.

Тояма в волнении наблюдал, как Котаро идёт к святилищу.

«Значит, здесь...»

Он догадывался, что Зеркало где-то в Хаконэ, но храм девятиглавого дракона стал неожиданностью.

«Теперь я могу расплатиться с господином Сабуро», — Тояма поводит вокруг зеркальцем. Осталось заполучить саму вещь — и Кагэтора должен его простить.

Поклонившись богу, Котаро отпер замок. Решётчатые двери скрипнули, пропуская его внутрь. Какое-то время его не было, потом он вышел.

— Котаро-доно!.. — обрадованно начал Тояма — и осёкся. Следом за синоби из святилища показалась большая... будто бы собака, но, когда солнце высветило красную гриву, стало видно, что животное больше похоже на льва. Цуцуга!

С трудом подавив крик ужаса, Тояма вскинул перекошенное лицо:

— Котаро-доно, что всё это значит?!

— Это я должен спросить тебя, предатель.

— Что?..

— Досадно, правда? Цель была так близка... Но меня такими уловками не проведёшь.

— Какие уловки?! Господин Удзиясу самолично...

— Хватит. Чем больше ты это повторяешь, тем более очевидной становится твоя ложь.

Тояма смешался. Котаро скрестил руки на груди и окинул его суровым взглядом с высоты каменной лестницы.

— Сколько тебе заплатили? И кто — Такэда, Ода?

— Котаро-доно, я...

— Если мне не изменяет память, ты отправился с господином Сабуро в Этиго... А потом, когда он начал проигрывать борьбу за наследство, бросил его и сбежал.

— Неправда! Клевета!

Котаро насмешливо улыбнулся в ответ на этот вымученный протест.

— Ты родился в неподходящее время. Тогда считали, что не принять смерть во имя господина — стыдно. — Котаро помолчал. — Твои моральные устои восхищают меня своей крепостью. Ты всё ещё стыдишься.

«Он понял!..» — в отчаянии подумал Тояма, но ему ничего не оставалось, кроме как бесильно стискивать зубы.

— Тем не менее за предательство нужно платить.

— Почему?!

«Почему ты догадался, что я тебя обманываю?..»

Котаро, опустившись на одно колено, погладил цуцугу по загривку.

— Ты выбрал неправильную ложь.

— Что?..

— Скажи ты хотя бы «приказ Удзимасы» — и тебе, возможно, удалось бы водить меня за нос чуть дольше.

Тояма попятился. Котаро встал, цуцуга начала медленно спускаться по ступеням.

— Я знал, что ты врёшь, ещё до того, как мы встретились. Твой план был обречён на провал с той минуты, как ты сказал «приказ Удзиясу».

Цуцуга прыгнула. Тояма, с воплем выхватив пистолет, несколько раз наугад выстрелил, но пули прошли сквозь тело зверя, не причинив ему вреда. Цуцуга повалила свою добычу на землю, острые когти вонзились в плоть, и Тояма закричал от боли. Пистолет отлетел в кусты.

Котаро бесстрастно наблюдал, как Тояма пытается скинуть зверя с себя и отползти к берегу, но цуцуга держала крепко и уже целилась своей жертве в горло. Они катались по земле у самой кромки воды.

Царящую над озером тишину нарушил отвратительный крик. Тояма был вне себя от страха: его всё больше притягивали золотистые глаза. Он почти уже сдался, когда цуцуга вдруг вскинула морду, словно почуяв что-то.

«Зеркало!..» — прогремел в голове у Тоямы чей-то голос. Он рефлекторно вскинул руку, в которой всё ещё держал зеркальце, и беспорядочно замахал ею перед собой:

— А-а-а-а-а!..

Цуцуга встретила глазами со своим отражением. В ту же секунду раздался пронзительный вой и зверя затащило в зеркало.

— Что?.. — воскликнул Котаро, не ожидавший такого поворота. Тояма тоже опешил. Отбросив зеркальце, он повернулся, чтобы бежать, но синоби среагировал моментально: подобрал валяющийся в кустах пистолет и несколько раз выстрелил Тояме в спину.

Смерть была мгновенной и тихой. Увидев поднявшийся над телом дух, Котаро быстро сунул пальцы в рот и свистнул. Три цуцуги, вышедшие из леса, бросились за духом вдогонку.

— Можно подумать, тебе это помогло, — раздражённо пробормотал Котаро и раздавил ногой зеркальце.

Когда он снова перевёл взгляд на озеро, то обнаружил, что в небе над ним сошлись облака, закрыв собой солнце. Вновь опустился туман. Исчезли все звуки, даже птичьи голоса — словно лесные обитатели почуяли приближение чего-то неведомого и попрятались в страхе.

В этой неестественной тишине по поверхности озера начали медленно расходиться большие-пребольшие круги.

«Тоно...»

ГЛАВА 18. РАЙ НА ДНЕ ОЗЕРА

Под зорким оком синоби Зеркало Самки готовили к отправке в святилище Хаконэ. На частном причале стоял катер, ожидая, когда Удзитэру и его вассалы поднимутся на борт.

— Нельзя ли подогнать ещё лодку? — спросил Наоэ перед самой посадкой. — Я хочу предать тело воде.

— Разве ты не собирался вернуть его родственникам?

— Я передумал. Вдруг полиция начнёт разбираться и выйдет на след? Столкновений с властями лучше избежать, это может помешать нашим планам. Общество любит делать из мухи слона.

— Бессердечный ты человек.

— Я всего лишь забочусь об успехе предприятия. — В том, чтобы превратить своё сердце в лёд, он, похоже, уже полностью преуспел. — Я, конечно, красиво выразился, — бесстрастно продолжал Наоэ, — но речь идёт об избавлении от трупа, и сделать это лучше по-тихому. Маленькая моторная лодка подойдёт. Если нас вдруг кто-нибудь увидит, я возьму всю вину на себя, и вас, Удзитэру-сама, никто не побеспокоит.

— М-м... Однако, какой туман...

Небо, с утра совершенно безоблачное, снова затянулось тучами, и опустившийся туман был довольно густым.

— Вот и отлично, — пробормотал Наоэ, но, что он в действительности имел в виду, Удзитэру тогда ещё не знал.

Доложили, что лодка готова. Наоэ сказал: «Прощаюсь ненадолго» — и вернулся в дом, чтобы забрать тело. Удзитэру с вассалами погрузились в катер и отчалили.

Когда Наоэ снова вышел из дома с телом Такаи на руках, на причале его ждал один из слуг.

— Мне было велено сопровождать вас.

Иными словами, к нему приставили надзирателя. Определив, что имеет дело с подселённым духом, Наоэ тонко усмехнулся и сказал:

— Что ж, вверяю себя вашим заботам.

За плотной пеленой тумана противоположный берег был, конечно же, не виден, и даже расстояние до середины озера сложно было определить, но спутник Наоэ, похоже, знал эти воды как свои пять пальцев. Он уверенно вёл лодку вперёд и, пройдя примерно половину пути, спросил:

— Где будете выбрасывать?

— С такой видимостью всё равно где... А святилище Хаконэ в какой стороне?

— Прямо по курсу. Была бы ночь — можно было бы ориентироваться на огни машин: там в районе Мото-Хаконэ дорога как раз к берегу выходит.

— Понятно. Ну, спасибо за всё.

Рулевой удивлённо обернулся и ахнул: Наоэ стоял в лодке, глядя на него холодно, без выражения. Вот его правая рука взлетела вверх, пальцы впились мужчине в виски — в ту же секунду раздался трескучий звук и бесчувственное тело сползло вниз.

Присев, Наоэ положил ладонь мужчине на лоб и начал читать мантру Амиды:

— *Он амиритатэйзэй кара ун, амиритатэйзэй кара ун...*

Ладонь, засветившись белым, прошла внутрь головы, захватывая подселённого духа и вытаскивая его наружу. Это получилось без труда, следовательно, дух, хоть и мстительный, был довольно слабым. Подумав, Наоэ решил его использовать.

— *Он бэйсирамандая совака, он бэйсирамандая совака...* О великий Бисямонтэн, даруй мне твою Карающую Плеть!

В левой руке Наоэ появился световой кнут. Он взмахнул им привычным движением — кончик обвился вокруг пленённого духа. Существовали методы, как даже слабенькую душу превратить в сильного мстителя.

— Наказание!

Кнут сдвинул энергетическое тело, дух завопил и задёргался от боли. Достав зажигалку, Наоэ поджёт светящийся шнур; пламя побежало вверх, охватило духа — а, когда всё догорело, на дно лодки упал синий, неправильной формы камень. Наоэ сунул его в карман.

«Итак, Зеркало за пределами барьера...»

Уложив Такаю на сиденье, Наоэ взялся за руль и посмотрел вперёд.

Нужно спешить. Обряд соединения с Деревом вот-вот начнётся.

* * *

В святилище Хаконэ всё было готово. Посетителей отогнали при помощи барьера, жителей усыпили, перед храмовым деревом — Деревом Стрелы — поставили алтарь, на который возложили Зеркало Цуцуги. Удзитэру стоял возле дерева, которому предстояло принять в себя душу его брата, и хмуро его разглядывал.

Эта большая и старая — тысяча двести лет — криптомерия получила своё название в начале эпохи Хэйан, когда Саканоуэ-но Тамурамаро²⁴, назначенный полководцем, истребляющим варваров²⁵, проходя через горы Хаконэ, принёс лук со стрелами в дар божеству и просил воинской удачи. Позднее его примеру последовал Минамото-но Ёриёси, одержав победу над кланом Абэ, а в эпоху Камакура и другие Минамото, братья Ёритомо и Ёсицунэ, жертвовали стрелы этому дереву перед началом своих походов. С тех пор стали считать, что дерево исполняет желания, дарит победу и удачу во всяческих начинаниях.

Именно этот ствол должен стать «точкой единения» в Хаконэ.

«Подходящее дерево для Сабуро», — думал Удзитэру, но отдавал себе отчёт в том, что происходящее его совсем не радует.

После того как Сабуро Кагэтору посадят в дерево, лес в святилище Хаконэ, как и в Никко, будет сожжён. Дерево Стрелы сгорит вместе с другими, и, когда энергии Дерева и земли сольются в священном пламени, образовавшуюся огромную силу должна будет принять на себя его душа.

«В тот же миг Сабуро как личность — исчезнет».

Станет оружием, не более того... Понятно, что так надо ради блага семьи, но сердечная боль от этого не делается меньше. Они снова обрекают младшего брата на горькую участь...

«Сабуро станет богом войны. И всё же я не могу принять это так легко, как брат Удзима-

²⁴ Саканоуэ-но Тамурамаро (758–811) — второй сёгун в истории Японии.

²⁵ Великий полководец, истребляющий варваров (сэйи-тайсёгун). Звание впервые появилось в восьмом веке н. э. и присваивалось полководцам, которым поручались походы против варваров северных земель. Позже это звание приобрело другой смысл.

са».

Но приказу отца, великого Удзиясу, невозможно противиться.

«Если батюшка приказал...»

— Тоно... — Со стороны омотэсандо²⁶ подошёл слуга.

— Что, Котаро до сих пор нет?

— Нет. Мы ищем, но...

— Ладно, делать нечего. Начнём без него. Надёжно ли оцепление? Все люди Фума на своих местах?

— Полная готовность. И Наоэ-доно прибыл.

— Да?

Удзитэру обернулся. Наоэ уже был здесь.

— Тело... предано воде?

— ...Так точно.

При виде его равнодушного лица Удзитэру затопила ярость. Четыреста лет следовать за господином, чтобы потом расправиться с ним вот так и глазом не моргнуть, — это какую чёрствую надо иметь душу?

«Он защищает меня от всего, всем своим существом».

Улыбка Такаи, за которой пряталась с трудом сдерживаемая боль, встала перед его мысленным взором.

«Это как крылья, крылья большой птицы...»

«И вот этого человека ты боялся потерять?»

Удзитэру задрожал от гнева.

«Из-за него ты подставлялся под удары?!»

Он подошёл к Наоэ вплотную — тот смотрел прямо, не отводя глаз, и этим с каждой секундой делался Удзитэру всё ненавистнее и ненавистнее.

— Тоно!.. — взорвались возгласами слуги, когда он внезапно ударил стоящего перед ним мужчину по щеке. Наоэ застыл, с закрытыми глазами и откинувшейся головой, а Удзитэру быстро выровнял дыхание и, бросив: «Начинаем, приведите цуцугу», зашагал прочь, ни разу не обернувшись.

Тогда Наоэ поднял голову и долгим взглядом посмотрел ему вслед.

Под Деревом Стрелы, где лежало хранившее душу Кагэторы Зеркало Цуцуги, священники Ходзэ начали ритуал. Удзитэру сидел в кругу внимательно наблюдающих вассалов, и Наоэ сидел рядом, с таким невозмутимым видом, будто его предки служили Ходзэ много поколений.

Вот окончилась вступительная молитва. Откуда-то принесли большой чан, и три человека понадобилось, чтобы поднять крышку. Из чана, в клубах красного дыма, выбрался большой мохнатый зверь.

Эта самая цуцуга напала на машину Наоэ на Ирохадзаке. Не в пример крупнее своих собратьев, орудующих в Хаконэ и Никко, первый отпрыск цуцуги, порождённый четыреста лет назад волшебством Фума и запёртый в Зеркале монахом Тэнкаем, был размером почти с человека.

«Глава клана...»

Без сомнений, зверь намного превосходил силой тех новорождённых, которых один за другим производят сейчас Фума из Зеркал. И всё же, хотя ему и было четыреста лет от роду, а созревает полностью детёныш цуцуги за сто, этот — провёл всё время во чреве матери. Несмотря на свои внушительные размеры, он, можно сказать, ещё не оторвался от груди.

Цуцуга сперва рыкнула низко, а потом жалобно заскулила, взывая к матери — Зеркалу Самки. Наверное, зверь плохо переживал внезапную разлуку...

Мать, конечно же, отдаст своему детёнышу пойманную добычу, но детёныш-то непростой: он выдрессирован людьми. Иными словами, Фума охотились за душами по принципу бакланьей рыбалки²⁷. Цуцуга, играющая роль баклана, не может съесть, что поймала, — она

²⁶ Омотэсандо — главная дорога к храму (ведущая прямо к входу).

²⁷ Бакланья рыбалка (укай) — традиционный способ ловли рыбы в Японии, сейчас утратил коммерческое значение и используется как развлечение для туристов.

должна это выплюнуть и сложить в корзину хозяина. Роль корзины же будет играть священное дерево. Детёныш цуцуги, пользуясь способностью, унаследованной от самца, поместит проглоченную душу в ствол.

Наоэ, как бы невзначай, сунул руку во внутренний карман пиджака.

«Если зверь проглотит душу — всему конец».

А значит...

«Нужно действовать раньше».

В тот же миг что-то странное случилось с детёнышем цуцуги: он бешено завыл, напуганный неизвестно чем.

— В чём дело?! — Удзитэру и его вассалы повскакивали с мест. Цуцуга, корчась от боли, расшвыривала всё вокруг, включая людей, прибежавших усмирить её.

— Держите, держите!

А зверя мучила некая спиритическая волна, источником которой был мощный энергетический объект, находящийся рядом. Обнажив клыки, цуцуга кинулась на этот объект.

— А-а!.. — Удзитэру и те, кто был неподалёку, еле успели увернуться. Цуцуга бежала на Наоэ.

Кинув в неё заготовленный синий камень, Наоэ сложил пальцы обеих рук в меч-мудру²⁸ и воскликнул:

— Снять путы!

Из камня ударил луч света, являя взорам могучего, раздувшегося от злобы духа.

— Это ещё что...

Вассалы Ходзэ бросились врассыпную. Дух ревел, извиваясь от боли, причиняемой кнутом, и сметал всё вокруг. Наоэ, воспользовавшись всеобщим замешательством, подбежал к алтарю и схватил Зеркало Самки.

— Наоэ!.. Подлец!..

Громыкнуло, и кора на переднем боку Дерева Стрелы разлетелась в щепки — это Наоэ бросил энергетический шар. Удзитэру пригнулся, защищаясь от воздушной волны.

— Чтоб тебя черти съели!

— Вы не получите его! — Шары падали один за другим. — Катитесь в ад, все до единого!

— Убейте мерзавца! Разорвите его на части!

Теперь все силы Ходзэ сосредоточились на нём. Наоэ отбивался, выставив защитный купол, — звуки взрывов заполнили лес. Но атака была такой массивированной, что купол вскоре подался, пропустив несколько энергетических стрел.

«Это Зеркало я им не отдам...»

Он прижал Зеркало к груди. Острые стрелы жгли руки и ноги. Выпущенный дух продолжал буйствовать, расшвыривая людей Ходзэ, но их натиск ослабевал... Наоэ упал на колени.

«Ни за что не отдам!..»

Он стиснул зубы и крепче сжал Зеркало. Невидимые лезвия рвали одежду и плоть, тело отзывалось острой болью — Наоэ вытерпел её и отчаянно вскинул голову:

— Он мой!.. Не отдам больше никому!..

Наоэ потянулся к силе. Он кричал. В нём не осталось ничего от человека: разум, чувства — всё превратилось в энергию и собралось в одной точке.

— Что... это?.. — Удзитэру и его вассалы опасно замерли. Земля задрожала. Странный звук пополз по лесу, и энергия закрутилась в вихрь, — страшный разрушительный вихрь, выворачивающий деревья и сбивающий людей с ног.

— Защищайтесь!.. Нападайте!..

Приказ Удзитэру потонул в шуме урагана, а крик Наоэ прорывался сквозь ураган:

— А-а-а-а-а!

Крик, шедший из глубины души, возносился к небесам, пронизывал их, разрывал на части, и, когда всё живое замерло в предчувствии гибели, тело Наоэ — сгусток золотого света —

²⁸ Меч-мудра — знак, при котором указательный и средний пальцы сложены вместе и вытянуты вперёд, а остальные прижаты к ладони.

вспыхнуло.

В ту же секунду словно громовой раскат — десяток громовых раскатов — сотряс землю, и столб огня поднялся вверх. Наоэ выплеснул всю свою силу. Таким сокрушающим оказался этот выброс, что, когда воздушная волна улеглась, никто больше не нападал и не отбивался — всех разметало по сторонам. Лесная поляна выглядела как после бомбёжки.

«Кагэтора-сама...»

Растративший всю силу Наоэ едва держался на ногах. Сжимая Зеркало Цуцуги в изранных руках, он начал спускаться по каменной лестнице, почти ползком.

«Кагэтора... сама...»

Ничего не осталось в его сердце, кроме этого имени. Лишь одержимость толкала его вперёд.

Тем временем из кучи бесчувственных тел выбрался Удзитэру — единственный, кто не потерял сознание. Он истекал кровью, но усилием воли заставил себя ползти вслед за Наоэ к берегу.

— Не пушу...

Наоэ, сумевший кое-как добраться до ворот-торий, обернулся. Удзитэру полз за ним с искажённым лицом.

— Не пушу!.. — Тут его колени подогнулись, и он упал лицом вниз, но сразу же снова сел, привалившись спиной к соседнему дереву.

— Отдай... Зеркало... — выдавил он с трудом.

Наоэ бросил на него убийственный взгляд.

— Верни мне Сабуро!..

Наоэ зажмурился и крепче вцепился в Зеркало. Удзитэру на четвереньках двинулся к нему, протягивая вперёд окровавленную руку.

— Не подходи... Он мой...

— Верни...

— Я сказал, не подходи!..

Ему ничего не оставалось, как сплести пальцы в знаке Бисямонтэна:

— Бай!

Удзитэру вздрогнул и замер, скованный путами, но так силен был его порыв, что он пытался ползти дальше, сопротивляясь заклятию. Энергии у Наоэ почти совсем не оставалось. Он понимал, что не сможет как следует выполнить изгнание, но всё же сделал попытку:

— *Ноумаку... саманда... боданан...*

— Верни... — умолял Удзитэру охрипшим голосом, — верни мне Сабуро... Пожалуйста...

На его глазах выступили слёзы. Он перестал быть полководцем; брата Кагэторы — вот кого видел Наоэ перед собой. Война, интриги — всё отступило... Сейчас Удзитэру не жалко было даже собственной жизни.

— Прошу, верни моего брата...

Наоэ отвернулся, словно стряхивая с себя его взгляд. Не в силах дочитать мантру, он крепче сжал переплетённые пальцы и зажмурился.

Перед глазами Удзитэру сверкнула вспышка, и энергетический импульс отбросил его к дереву, ударив о ствол. Его тело обмякло, и больше он не шевелился.

Наоэ, тяжело дыша, в последний раз взглянул на Удзитэру и спотыкающимся шагом двинулся туда, где оставил моторную лодку. Боль от раны в плече парализовала всю правую сторону тела, но, даже падая, он старался беречь Зеркало.

«Уже... совсем... скоро...»

Забравшись в лодку, он приподнял с сиденья бесчувственное тело Такаи и прижал его к себе вместе с Зеркалом, преодолевая боль.

«Кагэтора-сама...»

В глазах плыло, сознание отдалялось. Наоэ заставил себя взяться за руль, завёл мотор, и лодка помчалась вперёд по туманному озеру.

Скоро всё кончится, на этот раз точно кончится, и тяжесть, давившая на плечи четырёхста лет, наконец отпустит...

Он больше не задавался вопросом, глупо ли поступает. Голос, кричащий «остановись»,

больше не рождался в его душе, а если и рождался — не достигал разума, которого самоуничтожение сделало ко всему глухим.

Перед ним маячила дверь в волшебную страну — дверь, что открывается лишь однажды. Там не будет потерь, и другой любви тоже не будет. Боль, страдания и плач — неизменные спутники человека — останутся за порогом, а впереди развернётся вечность, безвременно вне жизни и вне смерти, где любимый будет целиком в его руках.

«...Всё исполнится. Что хотелось — то сбудется. Ты распрощаешься с одиночеством, и я не буду бояться, что когда-нибудь снова останусь без тебя».

Беспокойство, что следующей встречи не случится; страх, что кто-то другой украдёт; жгущая душу ревность, сладкая, сводящая с ума ненависть — от всего этого наступит избавление.

Почему небо именно сейчас решило наградить его пропуском в совершенный, без единого изъяна рай, где исполняются все желания? Это своими четырёхсотлетними страданиями он заслужил такое абсолютное пугающее счастье?

Золотая клетка — у него в руках.

В его руках...

Вдали от берега туман был ещё гуще. Стоило Наоэ выключить мотор, как отовсюду на него навалилась тишина.

Лодка остановилась почти ровно посередине озера; вскоре и волны перестали биться о борт. Покрытые лесом хребты Хаконэ, которые должны были выситься со всех сторон, сейчас прятались за белой завесой.

Никаких признаков преследования.

Глубокое озеро поглощало звуки. Тишина, царившая над ним, словно отталкивала всё мирское и своей безупречностью нагоняла тоску. Здесь было самое глубоководное место, больше сорока метров до дна.

Наоэ бросил взгляд на водную поверхность цвета тёмного индиго, убегающую вдаль, под туманный покров, почувствовал на коже прохладный и влажный озёрный ветерок. Прижимая к себе холодное тело Такаи и Зеркало, обёрнутое шёлковой тряпицей, он словно старался запечатлеть в памяти эту картину — последнее, что видят его глаза.

Сейчас казалось хорошо понятным, почему это озеро считали святым местом, обителью божества. Действительно, где ему ещё обитать, как не здесь — в сокровенных глубинах, в окружении высоких гор.

Там, в толще воды, лежит рай.

«...И мы уснём с тобой в этой священной колыбели: моя душа — в волшебном зеркале, вместе с тобой, а зеркало — на дне. Ничто меня больше не связывает».

Наоэ перевёл взгляд на Такаю, чья голова покоилась на его плече. Кровь из раны испачкала белую щёку; Наоэ приподнял ему голову и отёр кровь пальцем левой руки.

Он вдруг затосковал по печальному взгляду закрытых глаз, и умолкший навсегда голос снова растревожил его скованное усталостью сердце.

«Наоэ...»

Несмелые взгляды, неловкие улыбки, радостный смех, гневные слёзы... Воспоминания о времени, проведённом с Такаей, возрождались одно за другим и сжимали грудь. Голос, зовущий его по имени, колоколом звенел в ушах.

«Поклянись мне...»

Притянув Такаю ближе, Наоэ приник губами к основанию его шеи, стянул кимоно с плеча и покрыв холодную кожу бессчётными страстными поцелуями.

«Я буду с тобой до конца времён...»

Он крепко прижал его голову к груди.

«Я больше никогда тебя не оставлю».

Наоэ закрыл, потом снова открыл глаза. Подняв Такаю, он переместился с ним на корму, не выпуская из рук Зеркала — будущего обиталища их душ. Пришло время распрощаться с че-

тырёхсотлетней болью.

«Сейчас...»

Он решительно вскинул голову и вдруг увидел, как из тумана выплывает, двигаясь по направлению к нему, маленькая вёсельная лодка с одним человеком на борту. Наоэ замер. Когда лодка остановилась рядом, широкоплечий гребец вынул вёсла из воды и поднялся.

Наоэ ошеломлённо смотрел на Фуму Котаро.

Никто не видел его с тех пор, как он отправился на встречу с Тоямой. Следил ли он за Наоэ или заранее знал, где его искать?

— Что такого странного? — сказал наконец Котаро в ответ на немое удивление Наоэ. — Мой господин прислал меня сюда. Я выполняю приказ.

— Приказ Удзитэру?

— Он моим господином не является, и уж тем более не является им Удзимаса-доно...

— Тогда кто?..

— У меня нет других хозяев, кроме господина Удзиясу.

Наоэ вытаращил глаза.

— Ходзё Удзиясу?! Значит, он всё-таки где-то там, дёргает за ниточки... участвует в Усобице Духов!..

— Он не причастен к делам своих сыновей.

— Как?..

— Но я, где бы ни находился, выполняю его приказы. Любые.

— И он велел тебе идти сюда?

Вместо ответа Котаро неторопливо скрестил руки на груди и сказал размеренным тоном:

— Ты собираешься запереть свою душу в Зеркале Цуцуги и утопить его в озере? Я не стану тебе препятствовать. Делай что задумал.

— Разве ты не вассал Ходзё?

— Клан Фума служит клану Ходзё, поэтому я помогаю, если меня просят. Но подчиняюсь я господину Удзиясу, и больше никому. Ни Удзимаса-доно, ни Удзитэру-доно не в силах заставить меня действовать.

— Значит, ты получил от господина Удзиясу распоряжение?

Котаро снова ушёл от ответа:

— А что заставляет тебя делать то, что делаешь ты? — По его лицу ничего нельзя было прочесть. — Откуда берутся эти чувства, из-за которых ты жертвуешь всем на свете?

Наоэ, вздрогнув, поднял глаза, а Котаро продолжал:

— Наплевать на миссию, наплевать на собственную жизнь, убить господина, предать, потом снова предать... Что это за сила, которая раздувает твоё эго настолько, что ты забываешь о задании, о ранах, о боли и остаёшься верным не хозяину, которому клялся служить, но только лишь своим эгоистичным желанием?

Глаза Наоэ блеснули, и тихим, полным сдерживаемой ярости голосом он сказал:

— Такому примерному слуге, как ты, лишённому и толики эгоизма, разумеется, не понять... Как хорошо быть бесчувственной машиной. — Теперь в его словах слышалась насмешка. — Если ты не способен стать даже лицемером, который стелет, понимая, что желание есть зло, то тебе прямая дорога в небожители.

Взгляд Котаро потяжелел, впервые за весь разговор. С губ Наоэ слетела улыбка, и, превозмогая боль, он крепче прижал голову Такаи к своей груди, зарывшись лицом в его волосы. Его глаза смотрели в одну точку на поверхности воды.

— Вот как, — бросил Котаро, снова невозмутимый. — Зеркало Самца находится в распоряжении моего господина Удзиясу.

Наоэ на секунду напрягся, но сразу же разгладил брови, заставив себя успокоиться.

— Вот как...

Сейчас это знание уже не могло ему пригодиться. Он слишком устал, чтобы пытаться добыть Зеркало силой, и кроме того...

Внезапно поверхность озера пошла рябью, лодку подбросило вверх. Только Наоэ ухватился за борт, чтобы не вывалиться, как большие волны побежали одна за другой, накатывая откуда-то издали концентрическими кругами. За стеной тумана возникла тень — корабля, как

Наоэ сперва подумал, но нет: это большое нечто поднималось из воды, нарушая её гладкость, и росло в высоту.

— Что...

Туман рассеивался, постепенно открывая взорам загадочный объект. Вцепившись в поручни скачущей на волнах лодки, Наоэ взгляделся в удлиняющуюся, извивающуюся тень и ахнул.

«Это же!..»

Он замер с раскрытым ртом, а виновник его удивления, посверкивая огромными глазами, взирал на него с тридцатиметровой высоты.

За спиной Котаро висел, покачиваясь над водой, гигантский дракон.

«Не может... быть...»

Наоэ несколько раз тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, но ему не мерещилось: дракон был вполне реальным. Котаро, даже не обернувшийся при его появлении, спокойным голосом сказал:

— Смотри внимательней, Наоэ.

Тот последовал его совету и снова ахнул. В передней лапе дракон сжимал что-то вроде тарелки — круглое, красное, хорошо отражающее свет... Зеркало?..

«Зеркало Цуцуги?..»

— Не может быть!

Это было не что иное, как Зеркало Самца, — вторая заколдованная Сёдо-дзёнином цуцуга, отец бегающих по лесам детёнышей и единственная вещь на свете, которая способна освободить душу, запертую в Зеркале Самки.

— Почему, — слова полились из уст Наоэ беспорядочным потоком, — почему... как... что всё это значит?!

— Тот, кого ты видишь перед собой, согласен одолжить тебе Зеркало, безвозмездно, если будет на то твоя воля.

На этот раз удивлению Наоэ не было предела. Он не смог сразу придумать ответ — только глядел на Котаро неверящим взглядом, забыв выпустить воздух из лёгких.

— О чём ты?.. Что это за дракон?..

Драконьи глаза в вышине горели золотым огнём. Вдруг Наоэ резко обернулся:

— погоди, неужели это Ходзё...

— Всё зависит от тебя, — прервал его Котаро, не дав договорить имя. — Ты можешь воспользоваться Зеркалом Самца, чтобы освободить господина Сабуро, но, если не хочешь, никто не заставляет. Делай то, что нужно тебе. Сейчас, Наоэ-доно, всё зависит от тебя.

Наоэ словно прирос к месту, ошеломлённый вот так внезапно, в последнюю минуту появившимся выбором.

Кагэтору можно спасти. Зеркало, которое выпускает из плена души, дадут, стоит только попросить. Кагэтора будет свободен, будет снова жить...

«Он вернётся к жизни...»

Если повезёт, оживёт и тело. Если бусина, которую он вложил ему в рот, действительно сработала, если Будда его защитил — всё возможно. Наоэ и сделал-то это в надежде на такой шанс.

«Такая-сан вернётся...»

Он перевёл взгляд на тело в своих объятиях. Печальная мягкая улыбка снова тронет эти губы... Голос, по которому он так соскучился, снова позовет его по имени, и полные грусти глаза снова будут смотреть на него... Тот, кто дороже всего на свете, снова будет дышать!..

И одновременно с этим... закроются двери в волшебную страну.

Единственный — лучший из воображимых — способ осуществить казавшееся неосуществимым желание — обладать вечно.

Тихое — райское — Зазеркалье, где тот, кого невозможно заполучить в реальности, окажется целиком в его руках и никто не помешает, никто не украдёт, никто не тронет... ничьё сердце не поддастся переменчивому времени.

Там не будет ни страха, ни плача, ни ненависти... Ничего нельзя будет потерять... Мечта, которую он лелеял четыре сотни лет, вот-вот должна сбыться!..

Два одинаковых по силе чувства рвали душу Наоэ пополам.

«Я хочу тебя спасти, но... вот же он, наш счастливый конец, прямо здесь!.. Мы столько всего передумали, столько выстрадали — и я, и ты, — неужели это не очевидно! „Всё, больше не могу, жить дальше — слишком больно“, — эти мысли посещали меня не раз и не два, я провёл бесконечность, скитаясь во тьме, с тяжким грузом на сердце, мечтая лишь об одном счастье — отдохновении... „Пусть я буду свободен... Пусть всё кончится“, — это было моё постоянное, неизменное желание, столь же сильное, как и любовь к тебе. Боль, безумие, вина, возмездие... собственная глупость, благодаря которой всё оно повторяется... Я хочу вытащить себя за шкуру из этого болота, из этого нескончаемого чёрного лабиринта, где только и делаю, что барахтаюсь в грязи! Положить конец отчаянию и сумасшествию, поставить большую жирную точку — вот чего я хочу».

«Можно я положу всему конец? — мысленно обращался Наоэ к одинокому тирану в кольце его рук. — Можно я буду счастлив?.. Я знаю, ты тоже этого хочешь, любимый. Ты должен быть счастлив со мной, должен быть *мною* счастлив, потому что я был с тобой дольше и любил тебя больше, чем кто бы то ни был... Только я могу сделать тебя счастливым, больше никто. ...Вы позволите мне, Кагэтора-сама? — Наоэ отчаянно вглядывался в его лицо. — Можно мы всё на этом закончим?..»

Он жаждал ответа, и в какой-то момент ему почудилось, что на расслабленном лице Такаи мелькнула лёгкая улыбка. Наоэ распахнул глаза. Ему послышался голос...

«*Можно...*»

Как будто Такая и вправду дал разрешение...

Наоэ замер с широко раскрытыми глазами, не дыша, словно захваченный какой-то мыслью.

— Ну, каков будет твой ответ? — спросил наконец Котаро, и Наоэ медленно поднял взгляд. — Берёшь Зеркало Самца или отправляешься на дно озера? Выбери, Наоэ-доно.

Наоэ поджал губы. Решение было принято. Он мотнул головой и, прижимая Такаю левой рукой, потянулся за лежащим у ног Зеркалом Самки.

Конец 7-го тома

Август 1992 г.